

САЛЛИ РУНИ

автор бестселлеров
НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ
РАЗГОВОРЫ С ДРУЗЬЯМИ

ПРЕКРАСНЫЙ МИР, ГДЕ ЖЕ ТЫ

Умная, тонкая, свежая
история о взрослении
в мире, который рушится.

Washington Post

18+

Салли Руни

Прекрасный мир, где же ты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69013168

Прекрасный мир, где же ты:

ISBN 9785001312178

Аннотация

«Прекрасный мир, где же ты» (2021) – третья книга молодой ирландской писательницы Салли Руни, которую критики называют «голосом поколения миллениалов». Первая – «Разговоры с друзьями» (2017) и вторая – «Нормальные люди» (2018) – имели, без преувеличения, феноменальный успех как у читателей, так и у литературных критиков.

Элис, Феликс, Айлин и Саймон находятся в поисках любви перед лицом крайне неопределенного будущего – их собственного и всего человечества.

А еще они пишут друг другу электронные письма, в которых обсуждают жизнь, искусство, историю, политику, делятся тревожными мыслями по поводу незавидной участи планеты Земля, перемежая их с подробностями своих романтических отношений... Это книга о любви, о дружбе, о поисках смысла жизни и взрослении в мире, который полным ходом направляется к пропасти.

Содержание

1	5
2	19
3	24
4	46
5	53
6	65
7	73
8	88
9	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Салли Руни

Прекрасный мир, где же ты

Sally Rooney

BEAUTIFUL WORLD, WHERE ARE YOU

Copyright © 2021 by Sally Rooney

Published in the Russian language by arrangement with *The Wylie Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

This book was published with the support of Literature Ireland

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2022

Когда я что-то пишу, это обычно кажется мне очень важным, а себя я считаю отличной писательницей. Я думаю, так происходит с каждым. Но какая-то часть меня осознает, кто я на самом деле: посредственный, очень посредственный писатель. Клянусь, я все знаю. Но для меня это не имеет значения.

Наталия Гинзбург. Мое призвание

1

Женщина сидела в баре отеля, наблюдая за входной дверью. Смотрелась изящно и опрятно: белая блузка, светлые волосы заправлены за уши. Бросив взгляд на экран мобильного, где был открыт мессенджер, она снова оглянулась на дверь. Конец марта, в баре было тихо, а справа за окном солнце уже опускалось за Атлантику. Четыре минуты восьмого, затем пять, шесть минут восьмого. Мельком и без особого интереса она посмотрела на свои ногти. В восемь минут восьмого в дверь вошел мужчина. Стройный, темноволосый, лицо узкое. Оглядел посетителей, достал мобильник и скользнул взглядом по экрану. Женщина у окна заметила его, но просто наблюдала и не пыталась привлечь внимание. Они были примерно одного возраста: обоим сильно за двадцать или слегка за тридцать. Она так и не шелохнулась, пока он сам не заметил ее и не подошел.

Ты Элис? – сказал он.

Это я, ответила она.

Ага, а я Феликс. Прости, что опоздал.

Она мягко ответила: Все нормально. Он спросил, что она будет пить, и пошел к бару заказывать. Официантка поинтересовалась, как дела, и он ответил: Все хорошо, а у тебя? Он взял водку, тоник и пинту лагеря. Бутылку тоника к столу не понес – тут же перелил в стакан быстрым привычным движе-

нием. Женщина за столом в ожидании барабанила пальцами по подставке для пива. С тех пор как в зал вошел мужчина, она держалась бодрее и оживленнее. Всмотривалась в закат за окном, будто ей и в самом деле интересно, хотя до этого туда и не глядела. Мужчина вернулся с напитками; капля пива убежала через край, и женщина наблюдала, как та быстро скользит по стенке стакана.

Ты говорила, что переехала сюда недавно, сказал он. Ничего не путаю?

Она кивнула, сделала глоток и облизала верхнюю губу.

Зачем? – спросил он.

В каком смысле?

В смысле обычно народ не стремится сюда переехать. Люди уезжают отсюда, и это понятно. Вряд ли ты здесь по работе?

А. Нет, не совсем.

Они коротко переглянулись – очевидно, он ожидал более развернутого объяснения. Ее лицо дрогнуло, словно она раздумывала, стоит ли говорить, а затем непринужденно, почти заговорщически улыбнулась.

Ну, я просто искала, куда бы переехать, сказала она, а потом услышала про дом тут недалеко от города, мой друг знаком с владельцами. Они, оказывается, пытались его продать целую вечность и в конце концов решили пока что поселить там кого-нибудь. А я подумала, что здорово будет пожить у моря. Просто вдруг захотелось. И, короче... Больше и нече-

го рассказать, никаких других причин.

Он пил и слушал ее. К концу фразы она как будто немного разнервничалась – дыхание сбилось, на лице читалась какая-то насмешка над собой. Он невозмутимо посмотрел этот спектакль и отставил стакан.

Ясно, сказал он. А до этого ты жила в Дублине, да?

Не только. Какое-то время в Нью-Йорке. Вообще я из Дублина – кажется, я говорила. Но до прошлого года жила в Нью-Йорке.

И что собираешься тут делать? Работу искать?

Она помолчала. Он улыбнулся и откинулся на стуле, по-прежнему глядя на нее.

Прости, что допрашиваю, сказал он. Мне кажется, ты еще не все рассказала.

Да нет, ничего. Но, как видишь, отвечать я не мастер.

Ладно, а кем ты работаешь? Это последний вопрос.

Теперь она улыбнулась натянуто. Я писательница, сказала она. Может, ты расскажешь, чем занимаешься?

Да ничем особенным. Мне интересно, о чем ты пишешь, но спрашивать не буду. Я работаю на складе за городом.

И что делаешь?

Ну, что делаю, философски отозвался он. Собираю заказы с полок, складываю на тележку и отвожу наверх, чтоб их упаковали. Не очень-то захватывающе.

Так тебе не нравится?

Господи, нет, конечно, сказал он. Я, блин, ненавижу это

место. Но, если бы я делал что нравится, вряд ли мне стали бы платить, правда? В этом и суть работы: если дело хоть немного приятное, любой им займется бесплатно.

Так и есть, улыбнувшись, сказала она. За окном небо потемнело, и на парковке трейлеров зажигались огни: прохладное соленое свечение уличных фонарей и теплее, желтее – в окнах. Официантка вышла из-за стойки бара протереть пустые столы. Та, которую звали Элис, несколько секунд следила за ней, а затем снова взглянула на мужчину.

Ну, и как тут люди развлекаются? – спросила она.

Как и везде. В округе несколько пабов. В Баллине ночной клуб, это минут двадцать отсюда на машине. Само собой, есть аттракционы, но это больше для детей. Ты, я так понимаю, друзей тут еще не завела?

По-моему, ты первый человек, с которым я разговариваю с тех пор, как приехала.

Его брови поползли вверх. Ты стеснительная? – сказал он.

Сам как думаешь?

Они переглянулись. Нервозности в ней уже не было, но осталась какая-то отстраненность; его глаза блуждали по ее лицу, словно он пытался ее разгадать. Прошла секунда, другая, но ему, похоже, так и не удалось.

Думаю, на то похоже, сказал он.

Она спросила, где он живет, и он ответил, что они с друзьями снимают дом неподалеку. Наверное, даже прямо отсюда видно, сразу за парковкой трейлеров, добавил он, взгля-

нув в окно. Он потянулся через стол, чтобы показать ей, но потом решил, что уже слишком темно. В общем, вон там, с другой стороны, сказал он. Когда он подался ближе к ней, их глаза встретились. Она тут же перевела взгляд на свои колени, а он, откидываясь назад, вроде бы сдержал улыбку. Она спросила, здесь ли живут его родители. Он ответил, что мама умерла год назад, а отец «черт его знает где».

В смысле, если честно, он где-то, например, в Голуэе, добавил он. Не на пути в Аргентину, ничего такого. Но я сто лет его не видел.

Сожалею о смерти твоей мамы, сказала она.

Да. Спасибо.

Я, честно говоря, тоже давно не видела отца. На него не очень-то можно положиться.

Феликс оторвал взгляд от своего стакана. Даже так? – сказал он. Пьяница?

Ммм. И, знаешь, все время выдает какие-то истории.

Феликс кивнул. Я думал, это твоя работа, сказал он.

Тут она заметно покраснела, что его удивило и даже встревожило. Очень смешно, сказала она. Ну не важно. Может, еще выпьем?

Они выпили еще, и еще. Он спросил, есть ли у нее братья или сестры, и она ответила: да, младший брат. Он сказал, что у него тоже брат. Они уже допивали по третьему стакану, Элис разбурчалась, в глазах появился стеклянный блеск. Феликс выглядел так же, как и когда явился в бар, и держал-

ся точно так же, и говорил. Она все чаще блуждала взглядом по залу, рассеянно разглядывая все подряд, а он все внимательнее и пристальнее всматривался в нее. Она развлекалась, позвякивая кусочком льда в пустом стакане.

Хочешь взглянуть на мой дом? – спросила она. Мне все хочется похвастаться перед кем-нибудь, но некого пригласить. В смысле я приглашу друзей, конечно. Но они все далеко.

В Нью-Йорке.

В основном в Дублине.

А где дом? – сказал он. Пешком дойдем?

Разумеется, дойдем. Придется дойти. Я не вожу машину, а ты?

Не сейчас, нет. Я бы не рискнул, по-любому. Но права у меня есть, да.

Вот как, проворковала она. Весьма романтично. Еще выпьешь или пойдем?

Он едва заметно нахмурился в ответ: может, ему не понравился вопрос, или то, как она его задала, или слово «романтично». Она рылась в сумочке, не поднимая головы.

Да, давай выдвигаться, почему нет, сказал он.

Она встала и принялась натягивать бежевый однобортный плащ-ветровку. Он наблюдал, как она подгибает один рукав вровень с другим. Стоя он был не намного выше ее.

Далеко идти? – сказал он.

Она игриво улыбнулась. Засомневался? – сказала она. Ес-

ли устанешь, всегда можешь бросить меня и развернуться, мне-то не привыкать. К пешим прогулкам, в смысле. Не к тому, что меня бросают. Возможно, и к этому я тоже привычная, но в таком я едва знакомому человеку не призналась бы.

Он ничего не ответил, просто кивнул – мрачновато и снисходительно, словно после часа-двух разговора уже отметил ее манеру блистать «остроумием» и сыпать словами и решил не обращать внимания. Выходя, он пожелал хорошего вечера официантке. Что поразило Элис – она даже оглянулась через плечо, словно пытаясь заново рассмотреть эту женщину. На улице, уже на дорожке, она спросила, знает ли он официантку. Волны с тихим плеском разбивались у них за спиной, воздух остыл.

Девушку в баре? – сказал Феликс. Да, знаю. Шинейд. А что?

Она, наверное, удивилась, с чего вдруг ты там болтал со мною.

Без особых эмоций Феликс ответил: Я бы сказал, что она догадывается. И куда нам?

Элис засунула руки в карманы плаща и зашагала вверх по холму. В его тоне ей почудился вызов или даже неприятие, но это не испугало ее, а, наоборот, добавило решимости.

Так ты часто встречаешься там с девушками? – спросила она.

Ему пришлось ускориться, чтобы поспевать за нею. Станный вопрос, ответил он.

Разве? Видимо, я странный человек.

Какое твое дело, встречаюсь ли я там с кем-то? – сказал он.

И правда, все, что тебя касается, – совершенно не мое дело. Просто любопытно.

Он словно обдумал эти слова и спустя время повторил, тише и уже не так уверенно: Да, но я не понимаю, как это тебя касается. И через несколько секунд добавил: Это ты предложила встретиться в отеле. Просто для информации. Я туда обычно не хожу. Так что нет, я не часто встречаюсь там с людьми. Нормально?

Нормально, просто отлично. Мое любопытство разыгралось, когда ты обронил, мол, девушка из бара «догадывается», что мы там делаем.

Ну, я думаю, она догадалась, что у нас свидание, сказал он. Я имел в виду ровно это.

Хотя Элис не оглянулась на него, лицо ее повеселело – слегка или, может, иначе. Тебя не пугает, что твои знакомые увидят тебя на свидании с кем-то не из местных? – спросила она.

Ты намекаешь, что это как-то неловко или типа того? Не вижу проблемы.

Весь оставшийся путь вверх по дороге вдоль берега они разговаривали про круг общения Феликса – точнее, Элис задавала вопросы, а он, коротко обдумав, отвечал, и оба из-за шума моря говорили громче прежнего. Он не выказывал

удивления, на вопросы отвечал с готовностью, но не слишком развернуто и не добавлял ничего сверх того, о чем спрашивали. Рассказал, что в основном общается с людьми, которых знает еще со школы, либо с приятелями по работе. Эти два круга пересекались, но лишь отчасти. Он, в свою очередь, не спрашивал ничего – может, его насторожили ее робкие ответы на его предыдущие вопросы, а может, ему стало неинтересно.

Ну вот и пришли, сказала она наконец.

Куда?

Она отворила маленькую белую калитку и сказала: Сюда. Он остановился и посмотрел на дом, стоявший на склоне посреди зеленого сада. Окна в доме были темны, деталей фасада не рассмотреть, но по лицу Феликса было ясно: он понял, где они оказались.

Ты живешь в пасторском доме? – сказал он.

Ой, я не думала, что ты его знаешь. Я бы тогда еще в баре рассказала, я не пыталась изображать загадочность.

Элис держала калитку открытой, и Феликс, не отрывая взгляда от силуэта особняка, что возвышался перед ними фасадом к морю, шагнул во двор. Вокруг них шелестел на ветру сумрачный зеленый сад. Она легко зашагала по дорожке, обшарила сумочку в поисках ключей. Ключи звенели где-то внутри, но никак не удавалось их нащупать. Он молча стоял рядом. Она извинилась, что ему приходится ждать, включила фонарик мобильного и посветила в сумку, а на ступени

дома пролился холодный серый свет. Феликс держал руки в карманах. Нашла, сказала она. И открыла дверь.

Внутри оказался огромный холл с красно-черной узорчатой плиткой на полу. Под потолком висел стеклянный абражур под мрамор, изящный хлипкий столик у стены украшала резьба по дереву – фигурка выдры. Элис бросила ключи на столик и мельком взглянула в тусклое, с разводами зеркало на стене.

Ты одна снимаешь этот дом? – сказал он.

Да, понимаю, сказала она. Он слишком огромный, это очевидно. И я трачу миллионы, чтобы его обогреть. Но здесь мило, правда? И я не плачу за аренду. Пойдем на кухню? Я включу отопление.

Он пошел за нею по коридору в просторную кухню с встроенными шкафчиками у одной стены и обеденным столом у другой. Над раковиной было окно на задний двор. Феликс стоял в дверном проеме, пока Элис искала выключатель. Она обернулась.

Присаживайся, если хочешь, сказала она. Но если предпочитаешь стоять, то непременно оставайся на ногах. Может, бокал вина? Из выпивки у меня больше ничего нет. Но я сначала выпью воды.

А что ты пишешь? Если ты писательница.

Она ошеломленно обернулась. Если я писательница? – сказала она. Сомневаюсь, что ты решил, будто я вру. Я тогда придумала бы что-нибудь получше. Я романистка. Пишу

книги.

И ты этим зарабатываешь?

Словно почуяв в вопросе новый подтекст, она опятьглянула на него и продолжила наливать воду. Зарабатываю, сказала она. Он, не отрывая от нее глаз, сел за стол. Мягкие стулья были обиты грубоватой шерстяной тканью кирпичного цвета. Все вокруг сияло чистотой. Он потер гладкую столешницу подушечкой указательного пальца. Она поставила перед ним стакан воды и тоже села к столу.

Ты уже здесь бывал? – сказала она. Ты знаешь этот дом.

Нет, я просто вырос в этом городе. Но не был знаком с теми, кто здесь жил.

Да я сама их почти не знаю. Пара в возрасте. Женщина, кажется, художница.

Он молча кивнул.

Я могу провести тебе экскурсию, если хочешь, добавила она.

Он по-прежнему молчал и на этот раз даже не кивнул. Ее это не обескуражило; похоже, это лишь подтверждало некие подозрения, которые она уже какое-то время вынашивала, так что она снова заговорила в той же бесстрастной, чуть саркастичной манере.

Наверное, по-твоему, я сумасшедшая, раз живу тут одна, сказала она.

Бесплатно-то? – ответил он. С хрена ли? Сумасшедшей ты была бы, если бы отказалась. Он беззастенчиво зевнул

и посмотрел в окно – точнее, на окно, потому что снаружи уже стемнело и стекло лишь отражало обстановку комнаты. Просто любопытно: сколько здесь спален? – спросил он.

Четыре.

И где твоя?

Она даже не моргнула, услышав этот внезапный вопрос, но еще несколько секунд пристально всматривалась в свой стакан, а потом взглянула прямо на Феликса. Наверху, сказала она. Они все наверху. Показать?

Почему бы и нет, сказал он.

Они встали из-за стола. На лестничной площадке второго этажа лежал турецкий ковер с серыми кистями. Элис толкнула дверь в свою спальню и включила небольшой торшер. Слева стояла большая двуспальная кровать. Половицы голые, а вдоль одной стены камин, облицованный плиткой нефритового оттенка. Справа большое подъемное окно смотрело на море, в темноту. Феликс подошел к окну, наклонился к стеклу, и его тень заслонила яркий отраженный свет.

Днем, наверное, отличный вид, сказал Феликс.

Элис так и стояла у дверей. Да, прекрасный, сказала она. По вечерам даже лучше.

Он отвернулся от окна, взглядом просканировал обстановку, а Элис наблюдала.

Очень славно, оценил он. Очень славная комната. Ты собираешься писать у нас книгу?

Попытаюсь, пожалуй.

А о чем твои книги?

Ну, я не знаю, сказала она. О людях.

Как-то расплывчато. О каких людях – типа тебя?

Она холодно посмотрела на него, словно собираясь что-то сказать: возможно, что разгадала его игру и даже позволит ему выиграть, если он будет играть по правилам.

Что я, по-твоему, за человек? – сказала она.

Видимо, что-то в спокойной холодности ее взгляда выбило его из колеи, и он коротко, хрипло хохотнул. Так-так-так, сказал он. Я с тобой познакомился пару часов назад, еще не успел разобраться.

Надеюсь, ты со мной поделишься, когда разберешься.

Могу.

Она постояла очень тихо, а он послонялся по комнате, притворяясь, что рассматривает разные штуки. Они знали, оба знали, что должно произойти, но ни один не смог бы объяснить, откуда знает. Она невозмутимо ждала, пока он озибался, и, наконец, – видимо, уже не в силах оттягивать неизбежное – он сказал «спасибо» и ушел. Она проводила его по лестнице – но не до конца. Она стояла на ступенях, когда он вышел за дверь. Ничего не попишешь, бывает. Обоим после было паршиво, и оба так толком и не поняли, почему финал вечера оказался настолько провальным. Стоя на лестнице, в одиночестве, она оглянулась на лестничную площадку. Теперь проследите за ее взглядом и обратите внимание, что дверь в ее спальню осталась открытой, и сквозь перила бе-

леет кусок стены.

Дорогая Айлин. Я так долго ждала ответа на свое предыдущее письмо, что в конце концов – представь! – пишу тебе новое, не дожидаясь, пока получу твое. В оправдание скажу: у меня так много всего накопилось, что, если я еще подожду, могу что-то и забыть. Знай же, что наша с тобой переписка – это мой способ не терять связи с жизнью, делать заметки о ней и сохранять что-то от моего – в остальном почти бесполезного или даже совсем бесполезного – существования на этой стремительно деградирующей планете... Я пишу этот абзац в основном для того, чтобы ты почувствовала себя виноватой, и тем самым хочу на этот раз обеспечить себе быстрый ответ. Чем ты там занимаешься вообще, вместо того чтобы писать мне? Только не говори, что работаешь.

Меня с ума сводит, сколько ты платишь за съемную квартиру в Дублине. Выходит дороже, чем в Париже, ты в курсе? И прости, но Дублин далеко не Париж. Начать с того, что Дублин, буквально и топографически, плоский – всё в нем на одном уровне. В других городах есть метро, что добавляет глубины, и крутые холмы, и небоскребы – то есть высоты, а в Дублине только скромные, приземистые серые дома да трамваи, снующие по улицам. И никаких внутренних двориков или садов на крышах, которые есть на материке и заметно разнообразят пространство – если не вертикально, то

концептуально. Ты никогда над этим не задумывалась? Даже если нет, думаю, на каком-то подсознательном уровне ты тоже замечала. В Дублине сложно высоко вознестись или опуститься слишком низко, сложно потерять себя или кого-то другого, обрести перспективу. Возможно, ты считаешь, что это демократичный способ организовать город – все происходит лицом к лицу, в смысле – на равных. Действительно, никто не смотрит на тебя сверху вниз. Но в результате надо всем тотально господствует небо. В небо нигде и ничто значимо не вторгается, не прерывает его. Ты можешь сказать – «Игла»¹, и, ладно, я соглашусь насчет «Иглы», хотя на самом деле она самый узкий из возможных прорывов, болтается, как линейка, и показывает, насколько миниатюрное все вокруг. Тамошний подавляющий эффект неба плохо действует на людей. Ничто и никогда не закрывает его от глаз людских. Эдакое *memento mori*². Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь проделал в нем дыру для тебя.

На днях я думала о политических правах (а кто из нас не думал) и о том, как вышло, что консерватизм (социальное те-

---

¹ Дублинская игла (официальное название «Монумент света») – памятник в форме иглы, расположенный в Дублине в северном конце О'Коннелл-стрит, центральной улицы города. Высота – 120 метров. Дублинская игла была возведена в 2003 году по проекту фирмы Иана Ричи в рамках проводимой мэрией кампании по осовремениванию центра города. Она выросла на месте взорванного в 1966 году боевиками ИРА памятника адмиралу Нельсону. (Здесь и далее прим. пер.)

² «Помни о смерти» (лат.) – латинское выражение, ставшее крылатой фразой.

чение) начал ассоциироваться с хищническим рыночным капитализмом. Связь не очевидна, по крайней мере для меня, ведь рынок ничего не сохраняет, но пожирает все существующие социальные практики и перерабатывает их в транзакции, лишая смысла и памяти. Что «консервативного» в этом процессе? Кроме того, мне кажется, что идея «консерватизма» ложна сама по себе, ведь ничего нельзя «законсервировать» как есть – я имею в виду, что время движется только в одном направлении. Идея настолько проста, что, впервые подумав об этом, я почувствовала себя блестящим умом, но потом задумалась: может, я идиотка? Как думаешь, дело я говорю? Мы ничего не можем законсервировать, особенно социальные отношения, не изменив их природу, не обрубив хотя бы часть их взаимосвязей со временем самым неестественным образом. Просто посмотри, что консерваторы делают с природой: их «сохранная» идея состоит в том, чтобы добывать, грабить и уничтожать «потому что мы всегда так делали», – но именно потому, что они так делали всегда, это уже не та земля, с которой они проделывали все это прежде. Подозреваю, ты думаешь, что мои мысли ужасно примитивны, а я, наверное, не диалектична. Но это просто мои теоретические размышления, которые мне хотелось записать, а тебе (желала ты того или нет) пришлось прочитать.

Сегодня я была в местном магазине, ходила купить чего-нибудь на обед, и вдруг меня накрыло странное чувство – внезапное осознание невероятности этой жизни. То есть

я подумала о всех тех людях – а их большинство, – что живут в условиях, которые мы с тобой сочли бы абсолютной нищетой; они никогда даже не бывали в таких магазинах. И всё, всё это держится их трудом! Весь наш стиль жизни! Все-возможные сорта прохладительных напитков в пластиковых бутылках, и готовые обеды «только разогрей», и сладости – каждая в отдельной упаковке, и выпечка в магазине – вот она, кульминация всего труда в мире, всего сжигаемого топлива, добытого из земли, всей непосильной работы на кофейных и сахарных плантациях. Все ради этого! Ради такого круглосуточного магазина! При мысли об этом у меня закружилась голова. Реально замутило. Чувство было такое, словно я вдруг вспомнила, что участвую в телешоу, – и каждый день люди умирают, чтобы шоу продолжалось, их мучают до смерти жутчайшим образом, детей, женщин, а все для того, чтобы я смогла выбрать один из вариантов готового обеда, и каждый упакован во множество слоев одноразового пластика. Вот ради чего они умирают – вот он, великий эксперимент. Я думала, меня вырвет. Конечно, такое чувство невозможно носить в себе долго. Может, до конца дня мне все еще будет плохо, а может, даже до конца недели – и что? Обедать-то надо. И на случай, если ты за меня волнуешься, позволь тебя уверить, что обед я купила.

Еще немного о моей сельской жизни, и на этом я закончу. Дом абсурдно огромен, он словно внезапно обрастает новыми комнатами, которых я раньше не замечала. Еще здесь хо-

лодно, а местами и сыро. Я живу в двадцати минутах ходьбы от вышеупомянутого местного магазина, и такое чувство, будто я только и делаю, что хожу туда и обратно докупить то, о чем забыла в предыдущий поход. Это, наверное, воспитывает характер, и в следующий раз, когда мы увидимся, я буду во всех отношениях замечательной личностью. Дней десять назад я ходила на свидание – он работает на складе доставки и окатил меня презрением. Если не врать себе (а это мой принцип), наверное, я разучилась общаться с людьми. Боюсь представить, как я гримасничала, пытаюсь изобразить человека, который регулярно коммуницирует с другими. Даже когда пишу это письмо, чувствую себя какой-то разобранной, диссоциативной. У Рильке есть стихотворение, которое заканчивается так: «Кто и теперь один, и без угла, / тот будет знать всегда одни скитанья; / тот будет каждой ночью, досветла, / писать кому-то длинные посланья, – / и проходить в аллеях, средь молчанья, / где буря много листьев намела»³. Лучшего описания моего нынешнего состояния и не придумать, за исключением того, что сейчас апрель и буря листьев не намедает. Прости за «длинное посланье». Надеюсь, ты приедешь повидаться. Люблю люблю люблю навсегда. Элис

---

³ Райнер Мария Рильке. Осенний день, перев. А. Биска.

В двадцать минут первого в среду днем женщина сидела за офисным столом в деловом центре Дублина, листая на мониторе текстовый документ. Волосы у нее были очень темные, собранные на затылке черепаховой заколкой, одета она была в серый свитер, заправленный в черные брюки-дудочки. Касаясь мягкого и захватанного резинового колесика компьютерной мышки, она скользила по документу, бегая глазами туда-сюда по узким колонкам текста, время от времени останавливалась, кликала, печатала или удаляла. Чаще всего она вставляла две точки в имени «Оден УХ», чтобы получилось стандартное «Оден У. Х.»⁴. Добравшись до конца документа, она открыла функцию «Найти», отметила «Учитывать регистр» и запустила поиск сочетания «УХ». Совпадений не обнаружилось. Она отмотала к началу – слова и абзацы пролетали с такой скоростью, что ничего не разобрать, – а затем с видимым удовлетворением сохранила и закрыла файл.

В час дня она сообщила коллегам, что идет на обед, и они с улыбками помахали ей из-за мониторов. Натянув куртку, она зашла в кафе рядом с офисом и села за столик у окна – одной рукой держала сэндвич, а другой книгу «Братья Кара-

---

⁴ Уистен Хью Оден (1907–1973) – англо-американский поэт, родившийся в Великобритании.

мазовы». Время от времени она откладывала роман, вытирала руки и рот салфеткой, оглядывала комнату, словно проверяя, что никто на нее не смотрит, и возвращалась к чтению. Без двадцати два она подняла глаза и заметила в дверях высокого светловолосого мужчину. На нем был костюм с галстуком, на шее ленточка с бейджем-пропуском; мужчина говорил по телефону. Да, сказал он, мне сказали, что во вторник, но я перезвоню, проверю и вам сообщу. При виде женщины у окна лицо его изменилось, он вскинул свободную руку и беззвучно произнес: «Привет». И продолжил в телефон: По-моему, вас не было в копии, нет. Не сводя с женщины взгляда, он нетерпеливо указал на телефон и рукой изобразил «бла-бла-бла». Она улыбнулась, теребя уголок книжной страницы. Хорошо, хорошо, сказал мужчина. Послушайте, я вообще-то сейчас не в офисе, но все сделаю, когда вернусь. Да. Хорошо, хорошо, хорошо, что вы позвонили.

Мужчина закончил разговор и подошел к ее столу. Окинув его взглядом с головы до ног, она сказала: Ох, Саймон, ты на вид такой важный – боюсь, тебя убьют. Он взял в руку бейджик и скептически взглянул на него. Все из-за этой штуки, сказал он. С ней у меня чувство, что убьют, – так мне и надо. Можно я угощу тебя кофе? Она ответила, что ей уже пора назад на работу. Ну вот, сказал он, можно я куплю тебе кофе навынос и провожу до офиса? Я хотел посоветоваться. Она закрыла книгу и ответила «да». Он отошел к стойке, а она встала и стряхнула крошки с колен. Он зака-

зал два кофе, один черный, один с молоком, и бросил пару монет в банку для чаевых. Женщина подошла, распустила волосы, расстегнув заклепку, и собрала заново. Как примерка у Лолы? – спросил мужчина. Женщина подняла глаза, встретилась с ним взглядом и не то охнула, не то вздохнула. О, отлично, сказала она. Ты слышал, мама приехала, и мы все завтра идем выбирать свадебные наряды.

Он добродушно улыбнулся, наблюдая, как готовят их кофе. Забавно, прошлой ночью мне приснился кошмар, что ты выходишь замуж.

Что же в этом кошмарного?

Ты выходила не за меня.

Женщина рассмеялась. Ты женщинам с работы тоже такое говоришь? – сказала она.

Он развеселился, повернулся к ней: Боже мой, нет, неприятностей не оберешься. И справедливо. Нет, на работе я ни с кем не флиртую. Скорее флиртуют со мной.

Подозреваю, что все дамы там не молоды и мечтают, чтобы ты женился на их дочерях.

Не могу согласиться с этим негативным культурным клише о женщинах среднего возраста. На самом деле, из всех демографических групп они мне наиболее симпатичны.

А что не так с молодыми женщинами?

Есть определенные моменты...

Он покачал ладонью в воздухе, намекая на трения, ненадежность, сексуальную химию, нерешительность или, воз-

можно, заурядность.

Всем твоим подружкам далеко до среднего возраста, заметила женщина.

Так и мне тоже, по крайней мере пока, спасибо.

На выходе из кафе мужчина придержал дверь, и женщина вышла, не поблагодарив. Так о чем ты хотел поговорить? – сказала она. Мужчина зашагал с нею к офису; сказал, что хотел ее совета насчет ситуации между двумя его друзьями – похоже, их имена были ей знакомы. Друзья вместе снимали квартиру, а потом к этому добавился секс, но без обязательств. Какое-то время спустя один начал встречаться с кем-то другим, и теперь второму, по-прежнему без пары, лучше бы съехать с квартиры, но пойти некуда, и денег тоже нет. Это история про чувства, а не про аренду, сказала женщина. Мужчина согласился, но добавил: И все-таки мне кажется, для нее было бы правильное съехать. Она ведь может услышать, как они занимаются сексом по ночам, и это будет совсем не здорово. Они двое к тому моменту уже дошли до офиса. Ты мог бы одолжить ей денег, сказала женщина. Мужчина ответил, что уже предложил, но девушка отказалась. И я прямо выдохнул с облегчением, добавил он, потому что инстинктивно мне не хочется слишком уж погружаться. А что первый друг может сказать в свое оправдание? – спросила женщина, и мужчина ответил: Первый друг считает, что не делает ничего плохого, предыдущие отношения исчерпали себя, и что ему теперь, вечно быть одному? Женщина по-

морщилась и сказала: Черт, да уж, ей и правда надо убираться из этой квартиры. Буду иметь в виду. Они задержались на ступеньках. Между прочим, мне пришло приглашение на свадьбу, заметил мужчина.

Ах да, сказала она. На этой неделе рассылали.

Ты знала, что они прислали мне «плюс один»?

Она взглянула на него, словно проверяя, не шутка ли это, и брови ее взлетели. Мило, сказала она. А мне они «плюс один» не дали, но, учитывая обстоятельства, это, наверное, было бы неделикатно.

Хочешь, я тоже приду один в знак солидарности?

Помедлив, она спросила: А ты хотел пойти с кем-то?

Ну да, наверное, – с девчонкой, с которой встречаюсь. Если тебе без разницы.

Она сказала: Хм. И добавила: Надеюсь, все-таки с женщиной.

Он улыбнулся. Ха-ха, давай как-нибудь подороже, сказал он.

Меня ты за глаза тоже называешь девчонкой?

Нет, ни в коем случае. Я никак тебя не называю. Стоит прозвучать твоему имени, я в волнении выхожу из комнаты.

Сделав вид, что не услышала, женщина спросила: Когда вы с ней познакомились?

Не знаю. Месяца полтора назад.

Это ведь не очередная скандинавка двадцати двух лет?

Нет, она не скандинавка, сказал он.

С преувеличенно усталым видом женщина бросила кофейный стаканчик в мусорку около офисной двери. Наблюдая за ней, мужчина добавил: Я могу пойти один, если хочешь. Будем строить друг дружке глазки через зал.

Ты выставляешь меня совсем отчаявшейся, сказала она.

Боже мой, я не это имел в виду.

Она постояла молча, глядя на поток машин. Наконец произнесла: На примерке она выглядела прекрасно. Лола. Ты спрашивал.

Все еще не сводя с нее взгляда, он ответил: Могу представить.

Спасибо за кофе.

Спасибо тебе за совет.

Остаток дня женщина работала в офисе в том же текстовом редакторе, открывала новые файлы, переставляла апострофы и удаляла запятые. Закрыв один файл, прежде чем открыть новый, она привычно пролистывала соцсети. Выражение ее лица, ее поза не менялись в зависимости от того, что она там видела: новость об ужасном стихийном бедствии, фото чьего-то обожаемого домашнего питомца, пост журналистки о том, что ей угрожают убийством, мутные шутки, которых не понять, если не знаешь старые интернет-мемы, страстные сетования на господство белых, рекламные твиты, продвигающие витамины для беременных. Внешне в ней не менялось ничего, что помогло бы стороннему наблюдателю догадаться – отзывается ли увиденное хоть

как-то в ее душе. Спустя время, без всякой видимой причины, она закрывала окно браузера и запускала текстовый редактор. Периодически коллеги спрашивали у нее что-то по работе, и она отвечала, или кто-то рассказывал анекдот, и раздавался общий смех, но в основном все молча работали.

В тридцать четыре минуты шестого женщина сняла с вешалки куртку и попрощалась с коллегами. Она распутала провод наушников, подключила их к телефону и пошла по Килдэр-стрит в сторону Нассау-стрит, затем свернула налево, на запад. После двадцати восьми минут ходьбы она остановилась у жилой новостройки на северной набережной и вошла в подъезд, поднялась на два лестничных пролета и открыла обшарпанную белую дверь. В квартире никого не было, но, судя по планировке и обстановке, она жила тут не одна. К тесной полутемной гостиной с занавешенным окном, смотрящим на реку, примыкала кухонька с духовкой, мини-холодильником и раковиной. Женщина достала из холодильника миску, обернутую пленкой. Стащила целлофан и поставила миску в микроволновку.

Поев, она пошла в спальню. В окно была видна улица внизу и медленное течение реки. Женщина сняла куртку и туфли, расстегнула заколку на волосах и задернула шторы. Занавески были тонкие, желтые, в зеленых прямоугольниках. Она стянула свитер и выскользнула из брюк, бросив одежду скомканной на полу; ткань брюк слегка лоснилась. Женщина надела хлопковый свитшот и серые легинсы. Ее

темные, чистые, чуть суховатые волосы свободно рассыпались по плечам. Она устроилась на кровати и включила ноутбук. Побродила по новостным сайтам, время от времени открывая предвыборные обзоры и дочитывая их лишь до половины. Бледное лицо выглядело усталым. В квартиру вошли еще двое, обсуждая, что заказать на ужин. Они прошли мимо ее комнаты в кухню, их тени мелькнули в щели под дверью. Открыв браузер в режиме инкогнито, женщина зашла в социальную сеть и вбила в строке поиска «Эйдан лавин». Загрузилась страница с результатами поиска, и женщина кликнула на третью строку, не обращая внимания на другие. На экране появился профиль с именем «Эйдан Лавин» под фотографией мужчины, снятого сзади по плечи. Волосы у мужчины были густые и темные, одет он был в джинсовку. Подпись под фото гласила: грустный парень по соседству. с головой порядок. ищите на soundcloud. Последнее обновление, опубликовано три часа назад – фотография голубя в канаве, засунувшего голову в пакет из-под чипсов. Подпись: то же самое. Пост собрал 127 лайков. В своей спальне, привалившись к изголовью незастеленной кровати, женщина кликнула на пост, и ниже появились комментарии. Комментарий от юзера с никнеймом Реально Мертвая Девушка: похож на тебя и вообще. Аккаунт Эдайна Лавина ответил: ты права, безумно симпатичный. Реально Мертвая Девушка лайкнула этот ответ. Женщина за ноутбуком кликнула на профиль Реально Мертвой Девушки. Тридцать шесть минут она изуча-

ла страницы людей, связанных с Эйданом Лавином, а потом закрыла ноутбук и легла.

Уже был девятый час вечера. Лежа головой на подушке, женщина прижала запястье ко лбу. В свете прикроватной лампы поблескивал тонкий золотой браслет. Женщину звали Айлин Лайдон. Ей исполнилось двадцать девять. Ее отец Пат управлял фермой в графстве Голуэй, а мать Мэри работала учительницей географии. У Айлин была сестра Лола, на три года старше. В детстве Лола была крепкой, отважной, озорной, а Айлин тревожной и болезненной. Школьные каникулы они проводили вместе, играя в замысловатые сюжетно-ролевые игры, воображая себя обычными человеческими сестричками, которым удалось проникнуть в мир магии, – Лола придумывала почти все повороты сюжета, а Айлин просто подыгрывала. Иногда к игре подключались младшие двоюродные братья и сестры, дети соседей и друзей семьи, в том числе, время от времени, Саймон Костиган – он был на пять лет старше Айлин и жил за рекой в доме, что прежде был местной усадьбой. Саймон был заведомо вежливым ребенком, всегда опрятно одетым, и никогда не забывал говорить «спасибо» взрослым. Он страдал эпилепсией и порой попадал в больницу, однажды даже по «скорой». Стоило Лоле и Айлин расшалиться, как их мать Мэри вопрошала, отчего же они не похожи на Саймона Костигана, который не только не шалит, но и никогда не жалуется. Когда сестры подросли, они перестали приглашать в свои игры

и Саймона, и вообще кого бы то ни было; теперь они запирались в доме, рисуя карты вымышленных стран, изобретая тайные алфавиты и что-то записывая на магнитофон. Родители смотрели на все это с доброжелательным безразличием, с удовольствием снабжали бумагой, ручками и чистыми кассетами, но и слышать ничего не хотели о воображаемых обитателях выдуманных стран.

В двенадцать Лола перевелась из их маленькой местной школы в женскую католическую, при монастыре Милосердия в соседнем городке. Айлин, которая и прежде в школе слыла тихоней, совсем замкнулась. Учитель сказал родителям, что у нее есть способности, так что два раза в неделю она ходила на дополнительные занятия по чтению и математике в специальный кабинет. Лола завела друзей в монастыре, они стали приезжать в гости на ферму, порой даже с ночевкой. Однажды они в шутку заперли Айлин в ванной наверху на двадцать минут. После этого отец Пат запретил друзьям Лолы приезжать на ферму, а Лола заявила, что Айлин сама виновата. Когда Айлин исполнилось двенадцать, ее, как и Лолу, отправили в ту же школу, разбросанную по нескольким зданиям и временным корпусам, с классами, куда детей собрали отовсюду – общей численностью шестьсот человек. Большинство учеников жили в городе и знали друг друга еще с начальной школы; с собой они принесли свои давние привязанности, дружбы, в которых Айлин места не нашлось. Лола и ее друзья уже были достаточно взрослыми,

чтобы ходить на обед в город, а Айлин в одиночестве сидела в столовой, отклеивая фольгу от домашних бутербродов. На второй год учебы одна одноклассница подошла сзади и на спор вылила ей на голову бутылку воды. Завуч заставила ту девочку написать Айлин письмо с извинениями. Дома Лола заявила, что ничего подобного не случилось бы, если бы Айлин не прикидывалась фриком, а Айлин ответила, что не прикидывается.

Летом, когда ей исполнилось пятнадцать, соседский сын Саймон нанялся к ним на ферму помогать. Ему было двадцать, и он изучал философию в Оксфорде. Лола только что закончила школу и почти не бывала дома, но в те вечера, когда Саймон оставался на ужин, она появлялась пораньше, и даже переодевалась в чистую толстовку, если вдруг испачкается. В школе Лола всегда держалась подальше от Айлин, но при Саймоне начинала вести себя как любящая и снисходительная старшая сестричка, поправляла Айлин прическу, одергивала одежду, словно та совсем малышка. Саймон в эту игру не включался. Он держался с Айлин дружелюбно и с уважением. Слушал, когда она говорила, даже если Лола параллельно перекрикивала сестру, – продолжал спокойно смотреть на Айлин и отвечал что-то вроде: ничего себе, как интересно. К августу она привыкла просыпаться рано, высматривать в окно своей спальни его велосипед, а увидев, сбегала вниз и встречала Саймона у задней двери. Пока он кипятил чайник или мыл руки, Айлин расспрашивала его

о книгах, учебе в университете, жизни в Англии. Однажды спросила, случаются ли у него еще приступы, а он улыбнулся и сказал, что нет, удивительно, что она вообще об этом помнит. Они болтали недолго, минут десять-двадцать, потом он уходил на ферму, а она поднималась обратно к себе и ложилась в постель. Иногда по утрам она выглядела счастливой, румяной, глаза блестели, а иногда плакала. Это пора прекратить, сказала однажды Лола их матери Мэри. Это одержимость, сказала Лола. Это неприлично. К тому времени Лола прослышала от друзей, что Саймон ходит к мессе по воскресеньям, хотя его родители не ходят, и теперь, если он оставался на ужин, возвращалась домой позже. Мэри начала сама сидеть по утрам в кухне – завтракала и читала газеты. Айлин все равно спускалась, и Саймон приветствовал ее так же сердечно, как и всегда, но она угрюмо огрызалась и быстро возвращалась в свою комнату. Вечером накануне отъезда в Англию он пришел попрощаться, но Айлин спряталась у себя и отказалась выходить. Он пришел наверх повидаться с нею, а она пнула стул и сказала, что он единственный человек, с которым она могла разговаривать. В моей жизни ты один такой, сказала она. А они мне даже не дали с тобой поговориться, а теперь ты уезжаешь. Уж лучше б я умерла. Он стоял, дверь за ним была полуоткрыта. Он тихо сказал: Айлин, не говори так. Все будет хорошо, я обещаю. Мы с тобой друзья на всю жизнь.

В восемнадцать Айлин поступила в Дублинский универ-

ситет, на филологию. На первом курсе она сдружилась с девушкой по имени Элис Келлехер, и на следующий год они сняли на двоих квартиру. Элис говорила громко и уверенно, носила плохо сидящую одежду из секонд-хенда и все вокруг находила забавным. Ее отец был пьяницей-автомехаником, так что в детстве о ней не особенно заботились. Ей было не так-то просто найти друзей среди однокурсников, да и с преподавателями возникли проблемы, когда она назвала одного из них «фашистской свиньей». Во время учебы Айлин терпеливо читала все, что задавали, сдавала все проекты к дедлайнам и тщательно готовилась к экзаменам. Она получила почти все возможные академические награды и выиграла национальную премию за эссе. Она завела знакомства, ходила в ночные клубы, не принимала ухаживания парней и неизменно возвращалась домой, чтобы вместе с Элис съесть тост в гостиной. Элис говорила, что Айлин гений и бесценная жемчужина и что даже люди, которые ее ценят, все-таки ее недооценивают. Айлин называла Элис бунтаркой и по-настоящему незаурядной личностью, опередившей свое время. Лола училась в другом колледже на другом конце города, и с Айлин они встречались редко, только если случайно столкнутся в городе. Когда Айлин была на втором курсе, Саймон переехал в Дублин ради юридической магистратуры. Однажды вечером Айлин пригласила его к себе, чтобы познакомить с Элис, и он принес с собой коробку дорогих шоколадных конфет и бутылку белого вина. Элис весь вечер

держалась с ним вызывающе грубо, назвала его религиозные убеждения «мерзкими» и еще добавила, что у него уродливые наручные часы. Кажется, Саймону это поведение почему-то показалось забавным и даже милым. После этого он стал частенько появляться у них в квартире, стоял, прислонившись к батарее, подолгу спорил с Элис о Боге и весело высмеивал их бездарное ведение домашнего хозяйства. «До чего же вы убого живете», – говорил он. Иногда он даже мыл им посуду перед уходом. Однажды вечером, когда Элис не было, Айлин спросила, есть ли у него девушка, а он рассмеялся и сказал: Почему ты спрашиваешь? Я же мудрый старик, забыла? Айлин лежала на диване; не поднимая головы, она швырнула в него подушкой, он поймал. Просто старик, сказала она. Не мудрый.

В двадцать Айлин впервые занялась сексом – с парнем, с которым познакомилась в интернете. После она шла от него домой одна. Было поздно, почти два часа ночи, улицы вымерли. Когда она добралась до дома, Элис сидела на диване и что-то печатала в ноутбуке. Айлин привалилась к дверному косяку гостиной и громко сказала: Ну, это было очень странно. Элис прекратила печатать. Что, ты с ним переспала? – сказала она. Айлин ладонью потирала предплечье. Он попросил меня не раздеваться, сказала она. Вообще. Элис уставилась на нее. Где ты только находишь таких? – сказала она. Не отрывая взгляда от пола, Айлин пожала плечами. Элис встала с дивана. Не расстраивайся, сказала она. Невеликое

дело. Ничего особенного. Через пару недель ты о нем забудешь. Айлин уткнулась лицом в хрупкое плечо Элис. Глядя ее по спине, Элис мягко сказала: Ты не такая, как я. Твоя жизнь будет счастливой.

Саймон тем летом жил в Париже и работал на группу по изменению климата. Айлин ездила его навестить – это был первый раз, когда она одна летела на самолете. Саймон встретил ее в аэропорту, и они поехали в город на электричке. Той ночью они выпили бутылку вина у него на квартире, и она рассказала ему, как лишилась невинности. Он рассмеялся и тут же извинился за свой смех. Они валялись на кровати в его комнате вдвоем. Немного помолчав, Айлин сказала: я хотела спросить, как ты лишился невинности. Но, судя по тому, что я о тебе знаю, ты ее так и не лишился. Он улыбнулся в ответ. Нет, лишился, сказал он. Она тихо полежала лицом в потолок и подышала. Несмотря на то, что ты католик? – сказала она. Они были близко, их плечи почти соприкасались. Именно так, сказал он. Знаешь, как говорил святой Августин? Господи, дай мне целомудрие, только не сейчас⁵.

Получив диплом, Айлин поступила в магистратуру на ирландскую литературу, а Элис устроилась работать в кофейню и начала писать роман. Они по-прежнему жили вместе, и по вечерам Элис порой читала вслух смешные отрывки из своей рукописи, пока Айлин готовила ужин. Сидя за кухонным

---

⁵ Блаженный Августин. Исповедь, перев. М. Сергеевко.

столом, откинув волосы со лба, Элис говорила: Вот послушай-ка. Я тебе рассказывала про главного героя, да? Короче, он получил сообщение от сестры. В Париже Саймон съехался со своей девушкой, француженкой по имени Натали. Окончив магистратуру, Айлин устроилась на работу в книжный магазин, возила груженные тележки по торговому залу и наклеивала ценники на бестселлеры. К тому времени ферма ее родителей почти разорилась. Когда Айлин приезжала домой, ее отец Пат, угрюмый и озабоченный, слонялся по дому днем и ночью и включал и выключал все подряд. За ужином он почти не разговаривал и часто вставал из-за стола, пока остальные еще ели. Однажды вечером Айлин оказалась в гостинной вдвоем с матерью, и Мэри сказала, что пора что-то менять. Дальше так продолжаться не может, сказала она. Айлин озабоченно спросила, что мама имеет в виду – ситуацию с деньгами или свой брак? Мэри развела руками; она выглядела опустошенной и гораздо старше, чем на самом деле. Всё, сказала она. Я не знаю. Ты приезжаешь и жалуешься на свою работу, на жизнь. А моя жизнь? Кому есть дело до меня? Айлин тогда было двадцать три, а ее матери пятьдесят один. Айлин на секунду легонько нажала кончиками пальцев на веко и сказала: Так и ты сейчас на жизнь жалуешься. Мэри расплакалась. Айлин с беспокойством посмотрела на нее и сказала: Мне не плевать, что ты несчастна, но я не понимаю, чего ты от меня хочешь. Мать закрыла лицо ладонями, всхлипывая. Что я сделала не так? – сказала она. Как я

вырастила таких эгоистичных детей? Айлин откинулась на спинку дивана, будто всерьез обдумывала вопрос. Чего ты хочешь в итоге? – спросила она. Я не могу дать тебе денег. Я не могу вернуться в прошлое и выдать тебя замуж за другого мужчину. Ты хочешь, чтобы я выслушала, как ты сокрушаешься? Я выслушаю. Я уже слушаю. Но я не понимаю, почему ты считаешь, что твое несчастье важнее моего. Мэри вышла из комнаты.

Когда им было по двадцать четыре, Элис подписала договор на книгу с издателем из США на двести пятьдесят тысяч долларов. Она сказала, что в книжном бизнесе никто ничего не понимает про деньги, и, если им хватает тупости заплатить ей такую сумму, ей хватит жадности эти деньги взять. Айлин встречалась со студентом-философом по имени Кевин и по его наводке нашла плохо оплачиваемую, но интересную работу помощником редактора в литературном журнале. Вначале она просто редактировала, но через несколько месяцев ей доверили заказывать тексты авторам, а к концу года редактор предложил ей и самой что-нибудь написать. Айлин сказала, что подумает. Лола тогда работала в консалтинговой фирме и встречалась с парнем по имени Мэттью. Она пригласила Айлин поужинать втроем в городе. В четверг вечером после работы они сорок пять минут ждали на темнеющей выстывающей улице, пока освободится столик в новой бургерной, где Лола хотела побывать. Бургеры, когда их принесли, оказались вполне ничего. Лола спрашивала

Айлин о ее карьерных планах, и та ответила, что и в журнале счастлива. Ну, это сейчас, сказала Лола. А что дальше? Айлин ответила, что не знает. Лола изобразила улыбку и сказала: Когда-нибудь придется столкнуться с реальностью. Айлин вернулась домой и застала Элис на диване: та писала книгу. Элис, сказала Айлин, мне когда-нибудь придется столкнуться с реальностью? Не подняв головы, Элис хмыкнула и сказала: Боже, да нет, разумеется, нет. Кто тебе такое сказал?

В сентябре, который пришел следом, Айлин узнала от матери, что Саймон расстался с Натали. Вместе они пробыли четыре года. Айлин сказала Элис, мол, думала, они поженятся. Я всегда была уверена, что они поженятся, сказала она. А Элис ответила: Да, ты говорила. Айлин отправила Саймону имейл с вопросом «как дела?», а он ответил: Ты, наверное, не собираешься в Париж в ближайшее время? А то я был бы очень рад повидаться. На Хеллоуин она поехала на несколько дней к нему. Саймону уже исполнилось тридцать, а ей двадцать пять. Днем они бродили по музеям и разговаривали об искусстве и политике. Когда она спрашивала про Натали, он отвечал шутливо, с самоиронией, и тут же менял тему. Однажды они сидели вдвоем в музее Орсе, и Айлин сказала: Ты все обо мне знаешь, а я о тебе ничего. С болезненной улыбкой он ответил: О, ты заговорила как Натали. Тут же рассмеялся и извинился. Это был единственный раз, когда он упомянул ее имя. По утрам он варил кофе, а по но-

чам Айлин спала в его кровати. Когда они занимались любовью, ему нравилось после долго лежать, обнимая ее. Она порвала со своим бойфрендом в тот же день, когда вернулась в Дублин. И больше ничего не слышала о Саймоне до Рождества, когда он заглянул к ее родителям выпить бренди и повосхищаться елкой.

Книгу Элис опубликовали следующей весной. Ее выход сопровождала медиашумиха, поначалу в основном хвалебная, а потом несколько отрицательных замечаний, спорящих с первыми восторженными обзорами. Летом, на вечеринке у их подруги Киры, Айлин познакомилась с парнем по имени Эйдан. У него были темные густые волосы, он носил льняные брюки и грязные теннисные туфли. Они просидели на кухне допоздна, болтая о детстве. В нашей семье не очень принято разговаривать, сказал Эйдан. Все замечается под ковер, и внешне полный порядок. Налить тебе еще? Айлин смотрела, как он подливает красное в ее бокал. В нашей семье тоже ничего не обсуждается, сказала она. Иногда мы вроде пытаемся, но никто не умеет. Глубокой ночью Айлин и Эйдан ушли вместе, в одну сторону, и он сделал крюк, чтобы проводить ее до двери квартиры. Береги себя, сказал он на прощанье. Пару дней спустя они встретились выпить, вдвоем. Он был музыкантом и звукорежиссером. Рассказывал о работе, о своих соседях по квартире, об отношениях с мамой и обо всем, что любит и ненавидит. Разговаривая с ним, Айлин много смеялась и была очень оживленной, касалась губ,

подавалась вперед. Тем вечером, вернувшись домой, она получила сообщение от Эйдана: ты так прекрасно слушаешь! вау! а я ужасный болтун, прости. может, еще встретимся?

На следующей неделе они снова ходили выпить, а потом еще. В квартире Эйдана повсюду по полу тянулись черные кабели, а постелью ему служил матрас на полу. Осенью они на пару дней ездили во Флоренцию и вместе бродили по прохладным храмам. Однажды Айлин остроумно пошутила за ужином, и он так расхохотался, что пришлось фиолетовой салфеткой вытирать слезы. Он сказал, что любит ее. Жизнь невероятно прекрасна, написала Айлин в сообщении Элис. Не могу поверить, что можно быть настолько счастливой. К тому времени Саймон вернулся в Дублин – работать политическим советником в парламентской группе левого толка. Порой Айлин сталкивалась с ним в автобусе или на перекрестке, и он всегда приобнимал какую-нибудь симпатичную девушку. Накануне Рождества Айлин и Эйдан съехались. Он вытащил ее коробки с книгами из багажника своего автомобиля и гордо заявил: Твой мозг имеет вес. Элис заглянула к ним на новоселье, уронила бутылку водки на кафельный пол в кухне, рассказала невероятно затянутую историю из их с Айлин учебы в колледже, которая показалась хоть капельку смешной только Айлин и ей самой, и быстро ушла. Почти все остальные гости на новоселье были друзьями Эйдана. Под конец Айлин, немало выпив, спросила Эйдана: Ну почему у меня так мало друзей? Всего двое, да и те

со странностями. А остальные просто знакомые. Он погладил ее по волосам и сказал: У тебя есть я.

Следующие три года Айлин и Эйдан жили в двушке в центре города к югу от Лиффи, скачивали у пиратов зарубежное кино, спорили, как делить арендную плату, по очереди готовили и мыли посуду. Лола и Мэттью были помолвлены. Элис выиграла денежную литературную премию, переехала в Нью-Йорк и начала слать Айлин имейлы в странное время дня и ночи. Потом она бросила писать письма, удалилась из соцсетей и стала игнорировать послания от Айлин. Однажды в декабре Саймон позвонил Айлин и сказал, что Элис вернулась в Дублин и попала в психиатрическую клинику. Айлин на диване прижимала телефон к уху, а Эйдан у раковины споласкивал тарелки под краном. Они с Саймоном договорили, но она так и сидела, и молчала в трубку, и он тоже ничего не говорил, оба притихли. Ну, сказал он наконец. Я тебя отпускаю. Пару недель спустя Айлин и Эйдан расстались. Он говорил, что слишком много всего навалилось и им обоим нужно личное пространство. Он вернулся жить к родителям, а она переехала в северную часть города, в трешку с кухней-гостиной и двумя спальнями, одну из которых уже занимала женатая пара. Лола и Мэттью решили летом сыграть скромную свадьбу. Саймон молниеносно отвечал на письма, время от времени приглашал Айлин пообедать и не очень распространялся про свою личную жизнь. Пришел апрель, и многие друзья Айлин уже покинули Дублин или собирались

уехать. Она ходила по отвальным вечеринкам в темно-зеленом платье с пуговицами или в желтом платье с поясом того же цвета. В гостиных с низкими потолками и бумажными абажурами люди заговаривали с ней про рынок недвижимости. Моя сестра выходит замуж в июне, сообщала она. Очень волнительно, отвечали ей. Ты, наверное, очень счастлива за нее. Нда, странное дело, говорила она. Но нет.

Элис, мне кажется, у меня тоже бывало такое чувство, как у тебя в круглосуточном магазине. Такое ощущение, будто смотришь вниз и осознаешь, что стоишь на узеньком карнизе на головокружительной высоте и поддерживают его только страдания и деградация практически всех остальных людей на земле. И думаешь такая: но я даже не хочу тут стоять! Мне не нужна вся эта дешевая одежда, и импортная еда, и пластиковые контейнеры, мне совсем не кажется, что все это как-то улучшает мою жизнь. Все это просто превращается в мусор и так или иначе делает меня несчастной. (Не то чтобы я сравнивала свою неудовлетворенность со страданиями реально угнетаемых людей, я просто имею в виду, что такая жизнь, ради которой они для нас надрываются, даже не приносит удовлетворения, как по мне.) Люди думают, что социализм насаждается силой – она нужна, чтобы экспроприировать собственность, – но я хотела бы, чтобы они осознали: капитализм точно так же насаждается силой, только с обратным знаком, которая защищает существующее распределение собственности. Знаю, что ты это знаешь. Ненавижу снова и снова спорить об одном и том же, отталкиваясь от неверных предпосылок.

Я тоже недавно думала про время и политический консерватизм, но в ином ключе. Думаю, честно будет признать,

что сейчас мы живем во времена исторического кризиса, и с этим согласно большинство населения. Я имею в виду, что внешние симптомы кризиса – например, существенные и непредсказуемые изменения в электоральной политике – большинству кажутся ненормальными. Даже такие неявные структурные симптомы, как массово тонущие беженцы, повторяющиеся погодные катаклизмы, связанные с изменением климата, уже воспринимаются как проявления политического кризиса. И, если не ошибаюсь, исследования показывают, что в последние пару лет люди тратят гораздо больше времени, чтобы уследить за новостями и текущими событиями. Стало совершенно обычным делом (по крайней мере, для меня) отправлять сообщения вроде такого: тиллерсона убирают⁶ смешноооо. Хотя, вообще-то, мне кажется, что отправлять такие сообщения ненормально. Как бы то ни было, в результате каждый день сегодня становится новым и уникальным информационным юнитом, который замещает и прерывает информационный мир предыдущего дня. И мне интересно (хотя ты, наверное, скажешь, что вопрос неуместен), что все это значит для культуры и искусства? В смысле, мы привыкли воспринимать произведения культуры «в настоящем». Но это чувство длящегося настоящего больше не свойственно нашей жизни. Настоящее стало прерывистым. Каждый день, даже каждый час каждого дня заме-

---

⁶ Глава Госдепартамента США был снят со своего поста Дональдом Трампом 13 марта 2018 года.

щает и делает неуместным предыдущий, и события нашей жизни имеют смысл, только будучи вписанными в постоянно меняющийся новостной поток. Так что, когда мы смотрим на персонажей кино, которые сидят за столом, разъезжают в машинах, замышляют убийства или грустят о своих любовных делах, нам реально надо знать, когда это все происходит по отношению к катастрофическим историческим событиям, которые сегодня структурируют восприятие реальности. Больше нет нейтральных сеттингов. Есть только шкала времени. Не знаю, может, благодаря этому появятся новые формы искусства или это, наоборот, означает конец искусства, по крайней мере, каким мы его знаем.

Твой абзац о времени напомнил мне кое-о чем, недавно вычитанном в сети. Пишут, что в поздний бронзовый век, примерно за полторы тысячи лет до христианства, на востоке Средиземноморья возникла система централизованных государств-монахий, которые перераспределяли деньги и товары через сложные и специализированные городские хозяйства. Я читала в Википедии⁷. Торговые пути в то время были чрезвычайно развиты, появилась письменность. Дорогие предметы роскоши перевозили на огромные расстояния от места производства; в 1980-х у берегов Турции обнаружили потерпевший крушение корабль того времени – на нем везли египетские украшения, греческую керамику, эбе-

---

⁷ Статью Википедии о «бронзовом коллапсе» на русском языке можно прочесть по ссылке https://ru.wikipedia.org/wiki/Катастрофа_бронзового_века.

новое дерево из Судана, ирландскую медь, гранаты, слоновую кость. Затем за семьдесят пять лет, где-то между 1225 и 1150 годами до нашей эры цивилизация схлопнулась. Великие города Восточного Средиземноморья были разрушены и заброшены. Грамотность упала, отдельные виды письменности были полностью утеряны. Между прочим, никто не может сказать наверняка, почему так произошло. Википедия выдвигает теорию под названием «системный кризис»: согласно ей, цивилизация позднего бронзового века стала такой уязвимой из-за «централизации, специализации, сложности и громоздких политических систем». Другая теория озаглавлена просто «Изменение климата». Это проливает на нашу нынешнюю цивилизацию зловещий свет, правда? Раньше я не никогда не думала, что возможен «общий коллапс систем». Конечно, я отдаю себе отчет: все, что мы рассказываем себе о человеческой цивилизации, – ложь. Но представь, если придется столкнуться с этим в реальной жизни.

Безотносительно к вышесказанному, то есть настолько безотносительно, что прямо перпендикулярно к предыдущему абзацу: ты когда-нибудь задумывалась о своих биологических часах? Я не намекаю, что ты должна, я просто спрашиваю. Мы еще довольно молоды. Но на самом деле большинство женщин в человеческой истории к нашему возрасту уже растили по несколько детей. Так ведь? Не знаю надежного способа проверить. Подумалось, что я даже не уверена,

хочешь ли ты вообще детей. Ты хочешь? Или, может, ты еще не решила. Подростком я думала, что лучше умру, чем заведу детей, после двадцати как-то так безотчетно решила, что в итоге это со мной случится, а теперь, уже под тридцать, я уже думаю: ну и где? Стоит ли говорить, что желающие помочь мне выполнить эту биологическую функцию не выстраиваются в очередь. И еще у меня появилось странное и совершенно необоснованное подозрение, что я бесплодна. Никаких медицинских оснований так думать нет. Я упомянула об этом недавно в разговоре с Саймоном, жалуясь на другие свои медицинские тревоги, и он сказал, что, по его мнению, переживать не стоит, потому что у меня «фертильный вид». Я целый день смеялась. Я, собственно, и сейчас пишу про это и смеюсь. Как бы там ни было, просто интересно узнать твои мысли. Учитывая надвигающийся крах цивилизации, может, ты вообще считаешь вопрос о детях неактуальным.

Возможно, я об этом думаю, потому что на днях случайно увидела Эйдана на улице, – у меня тут же остановилось сердце, и я умерла. С тех пор как я его увидела, мне с каждым часом все хуже. Или просто сила проживаемой сейчас боли мешает мне вспомнить, насколько больно было до этого. Вероятно, прошлая боль всегда кажется терпимее той, что чувствуешь сейчас, даже если она была гораздо хуже, – мы не можем вспомнить, насколько ужасной она была, потому что воспоминание всегда слабее переживаемого в настоящий момент. Может, поэтому люди среднего возраста всегда

думают, что их чувства и мысли важнее, чем у молодых: они сохранили лишь слабые воспоминания о пережитом в юности, и их мировосприятие определяют сегодняшние чувства. Как бы там ни было, мне кажется, что сейчас, спустя два дня после встречи с Эйданом, мне гораздо хуже, чем когда я его увидела. Я знаю, произошедшее между нами просто факт, никакого символизма – случилось и случилось, он сделал, что сделал, это не значит, что я провалила всю свою жизнь. Но увидеть его – как пройти через все это заново. Элис, я реально ощущаю себя неудачницей, чья жизнь ничего не стоит, и лишь нескольким людям не наплевать, что со мной творится. Порой так сложно разобраться, почему вещи, которые ты считала по-настоящему важными, вдруг оказались пустышкой, а люди, которые вроде как любили тебя, вовсе и не любили. Слезы наворачиваются, даже когда я печатаю это дурацкое письмо, а ведь у меня было полгода, чтобы прийти в себя. Я уже не знаю: может, я вообще никогда не оправлюсь? Возможно, определенные виды боли, пережитые на определенном этапе жизни, впечатываются в самоощущение навсегда. Это как я потеряла девственность только в двадцать лет, и это было так болезненно, ужасно и неловко, что с тех пор у меня всегда ощущение, что вот такой я человек, с которым все так и должно было случиться, хотя прежде ничего подобного даже не думала. А теперь я чувствую себя девушкой, которую парень разлюбил после нескольких лет совместной жизни, и не знаю, как перестать такой быть.

Ты там работаешь над чем-нибудь новеньким в своей глуши? Или только таскаешь на свидания строптивых местных парней? Скучаю по тебе! С любовью. А.

В отделе охлажденных продуктов круглосуточного магазина Феликс равнодушно изучал полку с готовой едой. Было три часа дня, четверг, над головой гудели белые светильники. Двери магазина распахнулись, но он не оглянулся. Вернул контейнер на полку и вытащил телефон. Новых уведомлений не было. Он безразлично засунул телефон обратно в карман, как будто наугад взял пластиковую упаковку с полки, прошел к кассе и заплатил. На пути к выходу у витрины со свежими фруктами остановился. Там Элис разглядывала яблоки: брала их одно за другим и изучала, выискивая изъяны. Узнав ее, он переменял осанку, чуть выпрямился. Непонятно было, поздоровается он или просто уйдет, так и не сказав «привет», – похоже, он и сам не знал. Он сжимал в руке упаковку с едой и рассеянно постукивал ею по ноге. И в этот момент, не то услышав его, не то углядев боковым зрением, она обернулась, заметила его и тут же заправила волосы за уши.

Привет, сказала она.

Привет. Как дела?

Хорошо, спасибо.

Подружилась с кем-нибудь? – спросил он.

Вообще ни с кем.

Он улыбнулся, еще раз постучал себя упаковкой по ноге

и оглянулся на двери. Ну вот, сказал он. И что нам с тобой делать? Ты там с ума сойдешь наедине с собой.

Да я уже, сказала она. А может, это случилось еще раньше, до приезда.

Уже сошла с ума? А мне показалось, ты нормальная.

Нечасто я такое про себя слышу, но спасибо.

Они стояли и смотрели друг на друга, потом она опустила взгляд и снова поправила волосы. Он еще раз через плечо оглянулся на выход, а потом снова на нее. Трудно сказать, нравилось ли ему, что ей так неловко, или он просто ее жалел. Она же, похоже, считала своим долгом стоять, пока ему охота разговаривать.

Значит, с приложением для знакомств завязала? – сказал он.

С улыбкой, глядя прямо на него, она ответила: Да, последняя попытка не внушила оптимизма – надеюсь, ничего, что я так говорю.

Я вообще отвратил тебя от мужчин?

Не только от мужчин. От людей всех гендеров.

Он рассмеялся: Вот уж не думал, что настолько плох.

Да нет, не ты. Дело во мне.

Да нормальная ты.

Он нахмурился, глядя на свежие овощи, прежде чем снова заговорить. Она, похоже, расслабилась и просто рассматривала его.

Можешь заглянуть сегодня вечером ко мне, если хочешь

пообщаться с народом, сказал он. Будет кое-кто с работы.

У тебя вечеринка?

Он поморщился. Не знаю, сказал он. В смысле просто придут люди. Хочешь, называй это вечеринкой. Ничего особенного.

Она кивнула, пошевелила сжатыми губами. Заманчиво, сказала она. Можешь напомнить, где ты живешь?

Я отмечу тебе на гугл-картах, если пользуешься, сказал он.

Она вытащила телефон из кармана и открыла приложение. Протягивая ему мобильник, сказала: Ты сегодня выходной?

Он впечатал свой адрес в строку поиска, не поднимая глаз. Да, сказал он. У меня на этой неделе всего несколько смен. Он вернул ей телефон и показал адрес: Оушен-Райз, 16. На экране отобразилась сеть белых улиц на сером фоне, а рядом голубым было обозначено море. Иногда там вообще нечего делать, добавил он. А порой неделями каждый день вкалываешь. Просто с ума сводит. Он опять оглянулся – теперь на кассу, настроение его переменялось. Так увидимся вечером? – сказал он.

Если уверен, что хочешь, чтобы я пришла, ответила она.

Тебе решать. Мне бы захотелось куда-то сходить, если бы я целый день один там у тебя зависал. Но тебе, может, и так хорошо.

На самом деле нет. Мне хотелось бы прийти, спасибо за

приглашение.

Да без проблем, сказал он. Народу, вообще-то, будет немало. Увидимся тогда, хорошего дня.

Больше не встречаясь с ней взглядом, он развернулся и вышел из магазина. Она оглянулась на ящик со свежими яблоками и, словно теперь неприлично было пристально их рассматривать, выискивая подбитые бока, словно сам процесс поиска изъянов во фруктах стал смехотворным и даже постыдным, выбрала одно и зашагала к холодильникам.

/

По адресу Оушен-Райз, 16 стоял дом-дуплекс: фасад слева из красного кирпича, выступающий, а справа выкрашен белым. Низкая стена разделяла два соседствующих бетонных дворика. Окна на улицу были занавешены, внутри горел свет. Элис стояла под дверью в той же самой одежде, что и днем. Она припудрилась, и кожа стала выглядеть суховатой; в левой руке она держала бутылку красного вина. Она позвонила и стала ждать. Через несколько секунд дверь открыла женщина, на вид ровесница Элис. В коридоре позади нее было светло и шумно.

Привет, сказала Элис. А Феликс тут живет?

Да-да. Заходи.

Женщина впустила ее и закрыла дверь. В руке у нее была поцанная кружка – кажется, с колой. Я Даниэль, сказала

она. Парни вон там. На кухне в конце коридора шесть мужчин и две женщины так и эдак расположились вокруг стола. Феликс сидел на столешнице рядом с тостером и пил прямо из банки. При виде Элис не встал, просто кивнул ей. Она прошла вслед за Даниэль к холодильнику, рядом с которым он сидел.

Привет, сказал он.

Привет, сказала Элис.

Двое в комнате оглянулись на нее, остальные продолжали болтать. Даниэль спросила, нужен ли Элис бокал для ее вина, и та ответила «да». Роясь в шкафу, Даниэль спросила: И как вы познакомились?

В Тиндере, сказал Феликс.

Даниэль замерла с чистым винным бокалом в руках. А сегодня у вас свидание, что ли? Очень романтично.

Мы уже ходили на свидание, сказал он. И она сказала, что это навсегда отвратило ее от мужчин.

Элис постаралась перехватить взгляд Феликса, улыбнуться ему, дать понять, что его слова забавны, но он на нее не смотрел.

Ее можно понять, сказала Даниэль.

Элис поставила бутылку на столешницу и принялась рассматривать коллекцию CD-дисков, выстроившуюся вдоль кухонной стены. Как много альбомов, сказала она.

Да, все мои, ответил Феликс.

Она пробежала пальцами по корешкам пластиковых ко-

робок, а один слегка вытянула, и он высунулся, точно язык. Даниэль заговорила с женщиной за кухонным столом, а один из мужчин встал и открыл холодильник. Указав на Элис, спросил Феликса: Кто это?

Это Элис, сказал Феликс. Она писательница.

Кто это тут писательница? – спросила Даниэль.

Вот эта леди, сказал Феликс. Она пишет книги и этим зарабатывает. Ну или она так говорит.

Как тебя зовут? – спросил мужчина. Я тебя погуглю.

Элис наблюдала за всем этим с деланным безразличием.

Элис Келлехер, сказала она.

Феликс рассматривал ее. Мужчина сел на пустовавший стул и начал печатать в телефоне. Элис пила вино и озираясь по сторонам, словно все это ее не касалось. Склонившись к телефону, мужчина сказал: Да она знаменита! Элис промолчала и не ответила на пристальный взгляд Феликса. Даниэль заглянула в экран. Вы только посмотрите, сказала она. У нее есть страница в Википедии и все дела. Феликс выскользнул из-за стола и взял у друга телефон. Рассмеялся, но веселье выглядело натужным.

Библиография, прочитал он вслух. Экранизации. Личная жизнь.

Этот раздел наверняка очень короткий, сказала Элис.

Почему ты мне не сказала, что знаменита? – сказал он.

Скучающим, на грани презрения тоном она ответила: Я же говорила, что я писательница.

Он ухмыльнулся. Вот тебе совет – пригодится, когда в следующий раз пойдешь на свидание, сказал он. Упомяни в разговоре, что ты селебрити.

Благодарю за непрошенный совет про свидания. Ни в коем случае им не воспользуюсь.

Ты что, злишься, что мы пробили тебя через интернет?

Нет, конечно, сказала она, я же сама назвала свое имя. Могла бы не называть.

Он несколько секунд не отрывал от нее взгляда, затем покачал головой и сказал: Ну ты и странная.

Она рассмеялась и сказала: Как неожиданно. Может, допишешь это на моей странице в Википедии?

Тут Даниэль тоже рассмеялась. Феликс слегка покраснел. Он отвернулся от Элис и сказал: Да там кто угодно страницы заводит. Может, ты сама все про себя написала.

Элис, похоже, все это начало веселить, она ответила: Нет, только книги.

Ты, наверное, считаешь себя необычной, сказал он.

Почему тебя это так задевает? – сказала Даниэль.

Вовсе нет, ответил Феликс. Он вернул телефон приятелю и прислонился к холодильнику, скрестив руки. Элис стояла у столешницы, прямо рядом с ним. Даниэль взглянула на Элис, задрала брови и заговорила с кем-то другим. Одна из женщин включила музыку, а мужчины в другом углу чему-то рассмеялись. Если хочешь, я уйду, сказала Элис Феликсу.

Кто сказал, что я этого хочу? – спросил он.

В комнату ввалилась еще толпа людей, стало шумнее. Никто не подходил поговорить с Элис или Феликсом, и они молча стояли у холодильника. По лицам их было не понять, тягостно ли им, и немного погодя Феликс потянулся и сказал: Не люблю дымить в помещении. Может, выйдем покурим? Познакомишься с нашей собакой. Элис молча кивнула и, не выпуская из рук бокала с вином, вышла за ним во внутренний дворик.

Феликс задвинул за ними двери и побрел по траве к сарайчику с хлипкой брезентовой крышей. Из глубины сада им навстречу немедленно выбежала спрингер-спаниелька, чихнула от волнения, уперлась лапами Феликсу в ноги и коротко тявкнула. Это Сабрина, сказал он. Она не совсем наша – жильцы, которые снимали дом до нас, просто ее оставили. Теперь только я ее и кормлю, так что она моя фанатка. Элис сказала, что это заметно. Мы обычно не держим ее на улице, сказал он. Только когда приглашаем гостей. Все разойдутся вечером, и мы запустим ее обратно в дом. Элис спросила, спит ли собака с ним в одной постели, и Феликс рассмеялся. Пытается, сказал он. Хоть и знает, что ей нельзя. Он потрепал собаку за уши и с чувством сказал: Дурашка. Снова обернувшись к Элис, он добавил: Она совершеннейшая идиотка, между прочим. Реально глупенькая. Ты куришь? Элис дрожала, и запястья, выглядывавшие из рукавов, покрылись мурашками, но она взяла сигарету и прикурила, Феликс тоже

закурил. Он затаился, выдохнул дым в чистый ночной воздух и оглянулся на дом. Внутри горел свет, гости разговаривали и размахивали руками. Теплый желтый прямоугольник дверей патио, обрамленный темными стенами дома, трава, пустота ясного черного неба.

Дани славная, сказал он.

Да, сказала Элис. Похоже на то.

Ага. Мы раньше встречались.

Правда? Долго или как?

Он пожал плечами и сказал: Примерно год. Не знаю, на самом деле больше года, наверное. Ну все равно это было сто лет назад, а сейчас мы просто хорошие друзья.

Она тебе все еще нравится?

Феликс оглянулся на дом, словно надеялся, что мельком увидит Даниэль и та поможет ему ответить на этот вопрос. Она все равно сейчас уже встречается с другим, сказал он.

С твоим другом?

Да, я его знаю. Сегодня его здесь нет, но ты с ним как-нибудь познакомишься.

Он отвернулся от дома, стряхнул пепел с сигареты; несколько искр сорвались и медленно полетели в темноту. Собака поскакала мимо сарая, а затем понеслась кругами.

Честно говоря, если бы она это слышала, то заявила бы, что это я все испортил, добавил Феликс.

И что же ты натворил?

Подозреваю, что был с нею слишком холоден. Ну, с ее точ-

ки зрения. Да ты и сама можешь ее спросить, если хочешь.

Элис улыбнулась и сказала: Ты бы хотел, чтобы я спросила?

Господи, нет, я – нет. Я в свое время уже наслушался. Я по ней не рыдаю, не переживай.

А тогда рыдал?

Ну, не буквально, сказал он. Ты же про это? Я не плакал, но типа разозлился.

А ты вообще когда-нибудь плачешь?

Он усмехнулся и сказал: Нет. А ты?

Ой, постоянно.

Да ладно? И о чем же?

Обо всем на свете. По-моему, я жутко несчастна.

Он взглянул на нее. Серьезно? – сказал он. Почему?

Ничего конкретного. Просто такое ощущение. Мне тяжело жить.

Помолчав, он посмотрел на свою сигарету и сказал: Мне кажется, я не все знаю о том, почему ты сюда приехала.

Так себе история, сказала она. У меня был нервный срыв. Несколько недель провела в клинике, а когда вышла, приехала сюда. Но никакой тайны – в смысле не было причин для нервного срыва, он просто случился. И это не секрет – все знают.

Феликс переваривал услышанное. И на твоей странице в Википедии про это тоже написано? – спросил он.

Да нет, все мои знакомые знают. Не вообще все на свете.

И что довело тебя до нервного срыва?

Ничего.

Ладно, но что ты называешь «нервным срывом»? Что было-то?

Она выпустила струю дыма уголком рта. Я себя не контролировала, сказала она. Постоянно ужасно злилась и грустила. Я собой не управляла, не могла жить нормально. Не могу лучше объяснить.

Вполне ясно.

Они помолчали. Элис допила вино, затоптала окурок и скрестила руки на груди. Феликс курил рассеянно и неторопливо, словно забыл, что она рядом. Он прочистил горло и сказал: Я себя чувствовал примерно так же, когда мама умерла. В том году. Я типа начал думать, к чему вообще вся эта жизнь, понимаешь? Все равно в конце ничего хорошего. Не то чтобы я хотел умереть, ничего такого, но почти все время и живым, блин, себя не чувствовал. Не знаю, можно ли это назвать нервным срывом. Несколько месяцев мне вообще ни до чего дела не было – просыпаться, ходить на работу, все такое. Меня уволили оттуда, где я работал, так я и оказался на складе. Да. Так что я тебя немножко понимаю. Конечно, у меня другие обстоятельства, но примерно представляю, каково тебе было.

Элис снова сказала, что очень сочувствует его потере, и он принял ее соболезнования.

Я на следующей неделе собираюсь в Рим, сказала она. Там

выходит перевод моей книги. Может, ты захочешь поехать со мной?

Он словно совсем не удивился этому приглашению. Потушил сигарету, растерев ее о стену сарая. В глубине сада гавкнула собака.

У меня денег нет, сказал Феликс.

Я за все заплачу. Я же богатая и знаменитая, помнишь?

Он неуверенно улыбнулся. Ты точно странная, сказал он. Прав я был. И надолго ты?

Туда в среду и возвращаюсь в понедельник утром. Но, если хочешь, можем остаться подольше.

Тут он рассмеялся. Офигеть, сказал он.

Ты бывал в Риме?

Нет.

Тогда, я думаю, тебе надо поехать, сказала она. Тебе, пожалуй, понравится.

Откуда тебе знать, что мне понравится?

Они посмотрели друг на друга. В темноте они вряд ли могли толком увидеть выражения лиц друг друга, но все же смотрели не отрываясь, словно сам взгляд был важнее того, что можно увидеть глазами.

А я и не знаю. Просто мне так кажется.

В конце концов он отвернулся. Ну давай, сказал он. Я поеду.

Каждый день спрашиваю себя, почему моя жизнь так повернулась? Не могу поверить, что вынуждена терпеть все это – статейки обо мне, свои фото в интернете, комментарии в соцсетях. Стоило сформулировать, как тут же подумала: и только-то? И что такого? Но в действительности, хотя ничего тут страшного нет, мне неприятно, я не хочу жить так. Когда я отправила первую рукопись, я просто хотела заработать достаточно, чтобы написать следующую. Я никогда не изображала из себя психологически устойчивую личность, которая без всякого ущерба может выдержать публичное обсуждение ее характера и воспитания. Люди, сознательно стремящиеся к славе, – я имею в виду тех, кто, отведав известности, хочет все больше и больше внимания, – они, я в этом абсолютно убеждена, глубоко психически больны. И то, что наша культура повсюду нам таких людей демонстрирует и выставляет их не просто нормальными, а привлекательными, даже образцами для подражания, – симптом серьезной болезни общества. Эти люди ненормальны, и, когда мы смотрим на них, подражаем им, мы сами становимся ненормальными.

Зачем знаменитых авторов ассоциируют с их знаменитыми книгами? Будь у меня дурные манеры, будь я сама неприятным человеком с чудовищным акцентом (а у меня он, кажет-

ся, и есть), разве от этого мои книги изменились бы? Нет, конечно. Тексты были бы те же самые, никакой разницы. Добавляет ли произведению хоть что-то привязка ко мне, моему лицу, моим манерам, ко всем этим деморализующим подробностям? Ничего. Так зачем, зачем все это делается? Кому это нужно? Меня это ранит и отдаляет от того единственного, что имеет для меня в жизни хоть какой-то смысл; это ничего не приносит обществу, удовлетворяет только самое низменное и наглое любопытство и заставляет литературный дискурс вращаться вокруг доминирующей фигуры автора, чей стиль жизни и причуды характера без всякого смысла рассматривают под лупой. Я повсюду наталкиваюсь на этого персонажа, которым сама и являюсь, и ненавижу ее изо всех сил. Я ненавижу ее манеру подавать себя, ненавижу, как она выглядит, и все ее мнения мне глубоко противны. А при этом все эти люди, которые читают о ней, верят, что она и есть я. Когда я это осознаю, мне кажется, что я уже умерла.

Разумеется, мне ли жаловаться, ведь все и каждый твердят мне «получай удовольствие». Но что они знают? Они же не бывали в моей шкуре, я все это прохожу одна. Ладно, допустим, это своего рода небольшой эксперимент, который забудется через несколько месяцев или лет, никто обо мне даже не вспомнит, и слава богу. Но пока я вынуждена была во всем этом вариться, я выплывала в одиночку, и некому было меня научить, так что я возненавидела себя до невыносимости. Чего бы я ни умела, каким бы скромным талантом ни

обладала, люди ждут, что я выставлю это все на продажу – буквально, продамся за деньги, пока не останусь на куче денег без капли таланта. И тогда всё, финиш, я закончусь, а на подходе уже свежая двадцатипятилетка с надвигающимся нервным срывом. Если я и встречала кого-то настоящего на этом пути, то эти люди так ловко замаскировались среди толпы эгоистов, жаждущих свежей крови, что я их не распознала. На самом деле, я, вероятно, знаю лишь двоих искренних людей – тебя и Саймона, а вы теперь можете смотреть на меня лишь с жалостью – не с любовью или дружбой, но с жалостью, как на полудохлую тварь в придорожной канаве, и лучшее, что можно для меня сделать, – это избавить от страданий.

Прочитав в твоём письме про «бронзовый коллапс», я была очень заинтригована тем, что система письменности может быть просто «утеряна». Честно говоря, я сомневалась, что правильно поняла значение этих слов, так что мне пришлось поискать информацию, и в конце концов я прочла кучу всего про так называемое «линейное письмо Б». Ты ведь, наверное, про него знаешь? Если коротко, примерно в 1900 году британские археологи на Крите наткнулись на склад античных глиняных табличек в терракотовой купальне. Таблички были исписаны слоговым письмом неизвестного языка и датировались примерно 1400 годом до нашей эры. Все начало двадцатого века классицисты и лингвисты пытались расшифровать надписи, получившие название «ли-

нейное письмо Б», но безуспешно. Хотя символы явно были письменностью, никто не мог понять, какому языку она соответствует. Большинство ученых предполагали, что это утраченный язык минойской культуры с Крита, которому не наследует ни один из современных языков. В 1936 году, в восемьдесят пять лет, археолог Артур Эванс прочитал в Лондоне лекцию об этих табличках, на которой побывал четырнадцатилетний школьник Майкл Вентрис. Еще до того, как разразилась Вторая мировая война, была обнаружена и сфотографирована новая партия табличек, на этот раз в материковой Греции. Но по-прежнему все попытки расшифровать их или хотя бы определить язык оставались безуспешными. Тем временем Майкл Вентрис вырос и выучился на архитектора, а во время войны его призвали в авиацию. Он не получил формального образования ни в области классической филологии, ни в области лингвистики, но и спустя годы у него не шла из головы лекция Артура Эванса про «линейное письмо Б». После войны Вентрис вернулся в Англию и принялся сравнивать фотографии недавно обнаруженных в материковой Греции табличек с найденными ранее на Крите. Он заметил, что некоторые символы с критских табличек не повторяются на тех, что из Пилоса. И он предположил, что эти символы, по всей видимости, обозначают островные топонимы. Оттолкнувшись от этого, он догадался, как расшифровать надписи, и открыл, что «линейное письмо Б» фактически было более ранней письменной формой древ-

негреческого языка. Работа Вентриса не только доказала, что языком микенской культуры был греческий, но и продемонстрировала гораздо более архаичные образцы письменного греческого, чем были к тому моменту известны, – старше на сотни лет. Сделав это открытие, Вентрис вместе с классическим филологом, лингвистом Джоном Чедвиком написал книгу «Документы на микенском греческом». За несколько недель до публикации книги, в 1956 году Вентрис на своем автомобиле врезался в припаркованный грузовик и погиб. Ему было тридцать четыре.

Я тут постаралась пересказать историю максимально драматично. В действительности к разгадке причастен еще целый ряд ученых, включая профессора Алису Кобер из США, которая много сделала для расшифровки «линейного письма Б» и умерла от рака в сорок три. Статьи Википедии о Вентрисе, «линейном письме Б», Артуре Эвансе, Алисе Кобер, Джоне Чедвике и микенской цивилизации довольно хаотичны и порой противоречат друг другу. То Эвансу было восемьдесят четыре, то восемьдесят пять, когда Вентрис попал на его лекцию. И действительно ли Вентрис впервые услышал о «линейном письме Б» на той самой лекции или уже о нем знал? Конец его описывается очень лаконично и таинственно – Википедия уверяет, будто он погиб «на месте» «столкнувшись ночью с припаркованным грузовиком», а коронер вынес вердикт о смерти в результате несчастного случая. Я в последнее время думаю о том, что Древний мир

возвращается к нам, прорываясь через странные прорехи во времени, через колоссальную скорость, расточительность и безбожие двадцатого века, через руки и глаза заядлой курильщицы Алисы Кобер, умершей в сорок три года, и Майкла Вентриса, погибшего в автомобильной аварии в тридцать четыре.

В любом случае все это означает, что в бронзовом веке была разработана сложная слоговая письменность для записи греческого языка, а затем, во время коллапса, о котором ты пишешь, все эти знания были уничтожены начисто. Возникшая позже греческая письменность не имела никакого отношения к «линейному письму Б». Люди, создавшие и использовавшие ее, представления не имели о том, что оно когда-то существовало. Мучительно думать, что, когда все эти знаки наносили на таблички, они что-то значили для людей, их писавших и читавших, а потом тысячелетиями не значили ничего, ничего, ничего – потому что связь прервалась, история остановилась. Пока двадцатый век не встряхнул часы и не заставил историю продолжиться. Может, и мы способны на что-то подобное?

Мне жаль, что тебе было так плохо после встречи с Эйданом. Это, безусловно, совершенно нормальные чувства. Но, надеюсь, ты не обидишься, если я как лучшая подруга, которая очень любит тебя и желает тебе только хорошего, напомню, что вы были не очень-то счастливы вместе. Я знаю, что это он решил расстаться, представляю, как это больно и

неприятно. Я не пытаюсь отговорить тебя огорчаться. Но в глубине души ты, наверное, и сама знаешь, что это были не такие уж хорошие отношения. Это все, что я хочу сказать. Ты сама не раз признавалась, что хочешь с ним порвать, но не знаешь как. Я говорю это только для того, чтобы ты задним числом не уверовала, будто Эйдан был послан тебе небесами и без него ты никогда не будешь счастлива. В двадцать с хвостиком ты побывала в отношениях, которые не удались. Это не значит, что Бог судил тебе жизнь неудачницы и страдальцы. Помнишь, у меня в двадцать плюс тоже были долгие отношения, которые в конце концов развалились? Саймон и Натали прожили вместе пять лет, а потом расстались. Ты считаешь нас с ним неудачниками? Хм. Хотя я вот сейчас над этим задумалась и засомневалась – может, мы и правда неудачники, все трое? Но если и так, уж лучше я останусь неудачницей, чем буду гнаться за успехом.

Нет, я никогда не задумывалась о своих биологических часах. Мне кажется, моя фертильность никуда не денется еще лет десять, если не больше, – моя мама родила Кита в сорок два. Но я определенно не хочу детей. Не знала, что детей хочешь ты. В этом-то мире? Но если так, найти того, кто поможет тебе забеременеть, – не проблема. Саймон говорит правильно: у тебя «фертильный вид». Мужчинам это нравится. И наконец: ты приедешь повидаться? Предупреждаю, что на следующей неделе буду в Риме, но потом вернусь. Я тут подружилась с парнем, которого зовут Феликс (реально).

И если ты сможешь поверить в это, ты согласишься и в то, что мы с ним вдвоем едем в Рим. Я сама не знаю почему, так что не спрашивай. Мне просто показалось, что забавно будет его пригласить. А ему, похоже, показалось, что забавно будет согласиться. Наверняка он считает меня чудачкой, но знает, что ничем не рискует, потому что я оплачиваю ему дорогу. Очень хочется вас познакомить! Еще одна причина, почему тебе стоит заглянуть ко мне, когда я вернусь. Приезжай, пожалуйста! Как всегда, с любовью.

В тот же четверг вечером Айлин была на поэтических чтениях, организованных журналом, где она работала. Они проходили в арт-центре в Нортсайте. До начала мероприятия Айлин сидела за столиком и продавала свежий выпуск журнала, а люди кружили с бокалами в руках и старались не сталкиваться с нею взглядом. Время от времени кто-нибудь спрашивал, где туалет, и она подсказывала – каждый раз одинаковым тоном и с одними и теми же жестами. Прямо перед началом чтений какой-то старичок склонился к ее столу и сообщил, что у нее «глаза поэта». Айлин застенчиво улыбнулась и, притворившись, будто не расслышала, сказала, что мероприятие вот-вот начнется. Когда чтения стартовали, она заперла коробочку с наличностью, взяла со стола в холле бокал вина и вошла в главный зал. Внутри сидело человек двадцать – двадцать пять, передние два ряда пустовали. Редактор журнала стоял за кафедрой, представляя первого чтеца. Пола, сотрудница арт-центра и примерно ровесница Айлин, подвинулась, предлагая ей сесть рядом. Много продала? – прошептала она. Две штуки, сказала Айлин. Надеюсь продать и третий одному старичку, но оказалось, он просто восхищался моими глазами. Пола хихикнула. Хорошо проводим будний вечерок, сказала она. Зато я теперь знаю, что у меня глаза красивые, сказала Айлин.

На вечере выступали пять поэтов, довольно случайно объединенных темой «кризиса». Двое читали стихи про личные кризисы – потери, болезни, – а третий обратился к теме политического экстремизма. Парень в очках декламировал стихи – настолько абстрактную просодию, что неясно было, как они вообще связаны с темой кризиса, – и наконец, последняя чтица, в длинном черном платье, десять минут распиналась о том, как трудно найти издателя, и успела прочесть лишь одно стихотворение – рифмованный сонет. Айлин в телефонных «заметках» набила: луна в июне пропадает втуне⁸. Она показала текст Поле, а та неопределенно улыбнулась и продолжила внимать чтице. Айлин удалила заметку. Когда чтения закончились, она взяла новый бокал вина и снова села за столик. Старичок опять навестил ее, и на этот раз сказал: Вы сами должны были стоять там. Айлин вежливо кивнула. Абсолютно убежден, сказал он. В вас это есть. Ммм, сказала Айлин. Он отошел, так и не купив журнал.

После мероприятия Айлин вместе с другими организаторами отправилась выпить в баре по соседству. Пола и Айлин снова сели рядом, Пола пила джин-тоник из огромного, похожего на аквариум бокала, внутри которого плавал щедрый кусок грейпфрута, Айлин – виски со льдом. Обсуждали

---

⁸ С начала XX века в англоязычной поэтической традиции произошел отказ от рифмы, ввиду ее очевидности. Поэтому сегодня рифмованные стихи на английском воспринимаются с долей иронии. В русской поэзии еще Пушкин первым заговорил, что будущее поэзии за нерифмованным стихом. Русский образец «строга привычных рифм» – «морозы-розы» – обыгран в «Евгении Онегине».

«самые худшие расставания». Пола описывала затянувшийся финал двухлетних отношений, под занавес которых они с ее бывшей девушкой то и дело напивались и заваливали друг друга сообщениями, что в итоге заканчивалось «или ссорой, или сексом». Айлин сделала глоток. Хреново, сказала она. Но по крайней мере, вы занимались сексом. Понимаешь? То есть отношения не совсем умерли. Если бы Эйдан написал мне пьяным, ладно, может, мы бы и поругались. Но я бы, по крайней мере, знала: он помнит, кто я такая. Пола сказала, что он, разумеется, помнит, они ведь столько лет вместе прожили. Айлин скривилась в улыбке и ответила: Это-то и убивает. Я потратила на человека половину из своих «двадцать плюс», и он в конце концов от меня устал. Так и есть. Я ему наскучила. Наверное, это как-то меня характеризует. Верно? Должно. Пола нахмурилась и ответила: Вовсе нет. Айлин натужно, неуверенно усмехнулась и сжала плечо По- лы. Прости, сказала она. Давай я закажу тебе еще выпить.

В одиннадцать вечера Айлин лежала одна в кровати, на боку, свернувшись калачиком, макияж под глазами размазался. Щурясь в экран мобильного, она коснулась иконки социальной сети. Приложение открылось, появился значок загрузки. Айлин провела большим пальцем по экрану, дожидаясь появления страницы, и внезапно в каком-то порыве закрыла приложение. Пролистала список контактов, выбрала «Саймона» и нажала кнопку вызова. После третьего гудка он ответил: Алло?

Привет, это я, сказала она. Ты один?

Саймон сидел на кровати в гостиничном номере. Справа от него было окно, занавешенное плотными шторами кремового оттенка, напротив на стене висел большой телевизор. Спиной Саймон привалился к изголовью, ноги вытянуты, лодыжки скрещены, на коленях открытый ноутбук. Я один, сказал он, да. Ты ведь знаешь, что я сейчас в Лондоне? У тебя все в порядке?

Ой, забыла. Сейчас неудобно говорить? Я повешу трубку.

Да нет, удобно. Как прошло ваше поэтическое что-то сегодня?

Айлин рассказала ему про мероприятие. Она пошутила про «луна в июне пропадает втуне», и он с готовностью рассмеялся. И у нас была поэма про Трампа, сказала она. Саймон ответил, что от самой этой идеи умереть хочется. Она спросила про его лондонскую конференцию, и он пространно описал «дискуссионную панель», озаглавленную «За рамками ЕС: международное будущее Великобритании». Пришли четверо совершенно одинаковых мужиков средних лет в очках, сказал Саймон. Выглядели как отфотошопленные версии друг друга. Полный сюр. Айлин спросила, чем он сейчас занят, и он ответил, что заканчивает кое-что по работе. Она перекатилась на спину, всматриваясь в тонкие стежки плесени на потолке.

Работать так поздно вредно для здоровья, сказала она. Где ты сейчас, в номере?

Именно так, ответил он. Сажу на кровати.

Она согнула колени, уперевшись ступнями в кровать, и одеяло вздыбилось палаткой. Знаешь, что тебе нужно, Саймон? – сказала она. Тебе нужна женушка. Нет? Женушка, которая приходила бы к тебе в полночь, клала руку на плечо и говорила: ну и ладушки, хватит на сегодня, ты слишком заработался. Пойдем-ка спать.

Саймон перенес телефон к другому уху и сказал: Картина вырисовывается заманчивая.

А твоя девушка не может ездить с тобой в командировки?

Она не моя девушка, сказал он. Я с ней просто встречаюсь.

Не вижу разницы. Чем «моя девушка» отличается от «просто встречаюсь»?

Мы можем встречаться еще с кем-то.

Айлин свободной ладонью потерла глаза, еще сильнее размазывая макияж по руке и щеке. Так ты спишь еще с кем-то? – сказала она.

Я – нет. Но она, по-моему, да.

Айлин уронила руку. У нее есть другой? – сказала она. Божечки. Тот, другой, – он красавчик?

Саймон удивленно ответил: Без понятия. Почему ты спрашиваешь?

Просто подумалось, что если он не так красив, как ты, то не стоит беспокоиться. А если он так же хорош, как ты, то... Я хочу встретиться с этой девушкой и пожать ей руку.

А что, если он красивее меня?

Я тебя умоляю. Это невозможно.

Он откинулся на спинку кровати. Ты хочешь сказать, я такой красавчик? – сказал он.

Да.

Я в курсе, но хочу услышать это от тебя.

Рассмеявшись, она ответила: Да, ты такой красавчик.

Спасибо, Айлин. Ты такая добрая. И ты тоже ничего.

Она пристроила голову на подушку. Я сегодня имейл от Элис получила, сказала она.

Как мило. И как она поживает?

Она говорит, мол, невеликое горе, что Эйдан меня бросил, ведь мы все равно не были по-настоящему счастливы вместе.

Саймон помолчал, словно ожидая продолжения фразы, а потом спросил: Она правда так сказала?

Буквально, да.

И что ты думаешь?

Айлин вздохнула и ответила: Да какая разница.

Не очень деликатно так говорить.

С закрытыми глазами она сказала: Вечно ты ее защищаешь.

Я же сказал, что она выразилась не деликатно.

Но ты считаешь, что она права.

Он нахмурился, поигрывая на прикроватном столике ручкой с логотипом отеля. Нет, сказал он. Я думаю, что он был недостаточно хорош для тебя, но это другое. Она правда ска-

зала «невеликое горе»?

Только подлиннее. И ты в курсе, что она собирается на следующей неделе в Рим, рекламировать свою книгу?

Он отложил ручку. Вот как? – спросил он. Я думал, она поставила все это на паузу.

Так и было, пока она не заскучала.

Ясно. Забавно. Я хотел ее навестить, но она постоянно отвечала, что момент неподходящий. Ты за нее волнуешься?

Айлин резко хохотнула. Нет, я не волнуюсь, сказала она. Я злюсь. А ты волнуйся, если хочешь.

Можно чувствовать и то и другое одновременно, заметил он.

Ты на чьей стороне?

Улыбнувшись, он тихо и успокаивающе ответил: Я на вашей стороне, принцесса.

Она тоже улыбнулась – неохотно, кривовато – и отбросила волосы со лба. Ты уже лег? – спросила она.

Нет, просто сижу. Ты хочешь, чтобы я улегся прямо во время нашего разговора?

Да, хочу.

Ну что ж. Это легко устроить.

Он встал и переложил ноутбук на письменный столик под зеркалом на стене. Почти все пространство комнаты позади него занимала кровать, застеленная белыми, туго натянутыми простынями. Не отпуская телефона, он воткнул в ноутбук кабель зарядки.

Если бы твоя женушка была сейчас рядом, она бы развязала тебе галстук. Есть на тебе галстук?

Нет.

А что есть?

Он взглянул на себя в зеркало и обернулся к кровати. Весь остальной костюм, сказал он. Без ботинок, разумеется. Я снимаю обувь при входе, как цивилизованный человек.

Так следующим снимаем пиджак? – сказала она.

Стягивая пиджак, для чего потребовалось переложить телефон из одной руки в другую, он сказал: Да, так обычно и делают.

Потом женушка приняла бы пиджак из твоих рук и повесила, сказала Айлин.

Как любезно с ее стороны.

И она расстегнула бы на тебе рубашку. Не деловито, а с любовью и нежностью. На плечики вешать надо?

Саймон в этот момент одной рукой расстегивал рубашку. Нет, брошу в чемодан и постираю, когда вернусь, сказал он.

Ума не приложу, что же дальше, сказала Айлин. На тебе есть ремень?

Есть, сказал он.

Закрывая глаза, Айлин продолжила: Его она снимает следующим и кладет на место. А куда ты, кстати, обычно кладешь ремень, когда снимаешь?

Вешаю на вешалку.

Ты такой аккуратист. Жена это обожает.

Почему? Она сама аккуратистка? Или по принципу «противоположности притягиваются»?

Хм... Не то чтобы она неряха, но не настолько четкая, как ты. Она на тебя равняется. Ты уже раздет?

Не совсем, сказал он. Я же постоянно держу в руке мобильник. Можно я положу его на секундочку, а потом возьму обратно?

Смущенно, застенчиво улыбнувшись, Айлин ответила: Конечно можно, ты же не в заложниках у меня.

Нет, но я не хочу, чтобы ты заскучала и отключилась.

Не бойся, не отключусь.

Он опустил телефон на ближайший угол кровати и разделся полностью. Айлин лежала с закрытыми глазами, правой рукой прижимая телефон к лицу. Оставшись лишь в темно-серых боксерах, Саймон подхватил телефон и лег на кровать, головой на подушку. Я вернулся, сказал он.

В котором часу ты обычно заканчиваешь работать? – сказала Айлин. Просто любопытно.

Около восьми. В последнее время чаще в полдевятого, потому что у всех дел по горло.

Твоя жена заканчивала бы работать гораздо раньше.

Ну надо же, сказал Саймон. Завидую ей.

И к твоему возвращению домой уже ждала бы тебя с приготовленным ужином.

Он улыбнулся. Ты думаешь, я такой старомодный? – спросил он.

Айлин открыла глаза, словно вырванная из забытья. Я думаю, ты живой человек, сказала она. Кто, проторчав на работе до полдевятого, не хочет, чтобы дома его ждали с ужином? Если ты предпочитаешь возвращаться в пустой дом и сам себе готовить, прошу прощения.

Нет, мне не нравится возвращаться в пустой дом, сказал он. И, раз уж это фантазия, я не против, чтобы меня холили и лелеяли. Просто я не жду такого от человека, с которым живу.

Ох, я оскорбляю твои феминистские принципы. Лучше мне прекратить.

Не надо, пожалуйста. Очень хочется послушать, чем мы с женой займемся после ужина.

Айлин опять закрыла глаза. Ну, она, по всей видимости, хорошая жена, так что позволит тебе немножко поработать, если нужно. Но не допоздна. Затем она захочет в постель. Ты уже там, насколько я понимаю.

Совершенно верно.

Блаженно улыбнувшись, Айлин продолжила: У тебя на работе был удачный день или не очень?

Все нормально.

И ты устал.

Не настолько устал, чтобы не было сил поговорить с тобой, сказал он. Но есть немного, да.

Жена настроена на тебя и сама тонко чувствует твое состояние, так что ей не пришлось бы спрашивать. День был

долгий, ты умаялся, в постель лег, видимо, часов в одиннадцать, так что жена возьмет в рот. У нее это отлично получается. Но не вульгарно, а очень интимно, супружески и все такое.

Придерживая телефон правой рукой, левой Саймон коснулся себя сквозь тонкие хлопковые боксеры. Не то чтобы я не ценил, но почему только в рот? – сказал он.

Айлин рассмеялась. Ты же сказал, что устал, ответила она.

Но не настолько, чтоб не хватило сил заняться любовью с собственной женой.

Не сомневаюсь в твоей мужественности, просто подумала, что так тебе будет приятней. Как бы там ни было, я могла что-то напутать, это нормально. Жена вот никогда ошибаться не будет.

Да не страшно, если и ошибется, я все равно буду ее любить.

Честно говоря, я думала, тебе нравится оральный секс.

Уже ухмыляясь, Саймон ответил: Мне нравится, еще как нравится. Но если у меня всего одна ночь с вымышленной женой, я бы подошел к делу основательнее. Можешь не вдаваться в детали, если не хочешь.

Отнюдь, детали – моя страсть, сказала Айлин. Так на чем мы остановились? Ты раздеваешь жену ловко и непринужденно, как ты умеешь.

Он сунул руку в трусы. Ты мне льстишь, сказал он.

Не переживай, она очень красива, но я не стану описывать

ее внешность. Я знаю, у мужчин есть свои предпочтения и пунктики.

Спасибо за разрешение. Я очень живо могу ее представить.

Правда? – сказала Айлин. Теперь мне любопытно, как же она выглядит. Она блондинка? Хотя нет, не говори. Готова поспорить, что блондинка, ростом примерно метр шестьдесят.

Тут он рассмеялся. Нет, сказал он.

Ладно. Не говори. Как бы там ни было, она реально вся влажная, она весь день ждала, что ты ее коснешься.

Он закрыл глаза. И сказал в телефон: А я могу ее коснуться?

Да.

А что потом?

Свободной рукой Айлин ласкала свою грудь, большим пальцем обводя сосок. Ты читаешь в ее глазах возбуждение, сказала она. И в то же время тревогу. Она очень любит тебя, но боится, что не слишком хорошо тебя знает. Ведь ты порой держишься отстраненно. Или не отстраненно, а просто замыкаешься. Я лишь набрасываю бэкграунд, чтобы ты лучше понимал подоплеку секса. Она смотрит на тебя снизу вверх и хочет, чтобы ты был счастлив, но порой боится, что ты несчастлив, и совершенно не понимает, как это исправить. И вот, когда ты ложишься в постель, ее прямо дрожь бьет. А ты ничего не говоришь и просто начинаешь трахать

ее. Или как ты сказал? Занимаешься с ней любовью? О'кей.

Ммм, сказал он. А ей нравится?

О да. Я думаю, до свадьбы она была довольно невинна и поэтому в постели так и льнет к тебе, просто неудержима. В любую секунду готова кончить. А ты говоришь ей, что она хорошая девочка, ты гордишься ею и любишь ее, и она тебе верит. Не забывай, ты любишь ее, это имеет значение. Я хорошо тебя знаю, но не с этой стороны. Как ты ведешь себя с женщиной, которую любишь? Прости, отвлеклась. Наверное, я сказала, что она берет в рот, потому что подсознательно мне приятно это представлять. Помнишь, у нас такое было в Париже? Не важно. Я просто помню, что тебе понравилось. А мне придало веры в себя. Так, я опять отвлеклась. Я описывала, как ты занимаешься сексом с женой. Наверняка она безумно хорошенькая и моложе меня. И пожалуй, немножко глупенькая, но это сексуально. Если потакать себе, я бы устроила так, чтобы в постели с женой – не всегда, но в этот раз – ты представил меня. Не нарочно, просто какая-то мысль или воспоминание проносятся в голове, и все. Представил не такой, какая я сейчас, а какой я была в двадцать с хвостиком. Ты так добр был ко мне тогда. Итак, ты занимаешься сексом со своей потрясающей женой, она самая красивая женщина на земле, и ты любишь ее больше всего на свете, но буквально на секунду-другую, когда ты внутри ее и вся она дрожит и трепещет и шепчет твое имя, ты думаешь обо мне, о том, что было между нами, когда мы были моло-

же, про то, как в Париже я позволила кончить мне в рот, и вспоминаешь, как же хорошо было со мной, неповторимо – так ты сказал. Может, так оно и было. Если ты вспоминаешь об этом спустя столько лет, в постели с женой, может, оно и было неповторимо. Бывают такие моменты, да.

Он кончал, тяжело дыша. Глаза закрыты. Айлин умолкла, она лежала неподвижно, лицо пылало. Он сказал что-то вроде: Хм. Оба притихли. Затем она негромко спросила: Можем еще минутку побыть на связи? Саймон открыл глаза, вытащил салфетку из коробки на прикроватной тумбочке и начал вытирать руки и тело.

Сколько захочешь, сказал он. Это было очень приятно, спасибо.

Айлин рассмеялась, глуповато, словно с облегчением. Ко лбу и щекам прилила кровь. Всегда пожалуйста, сказала она. Я забыла, что ты из тех, кто говорит «спасибо». Это очень возбуждает. Ты вроде как на девяносто процентов плейбой, но порой сбиваешь с толку и ведешь себя как девственник. Это вызывает уважение, должна сказать. Теперь, когда мы встретимся в реальной жизни, нам будет неловко?

Бросая скомканную салфетку на прикроватную тумбочку и вытягивая из коробки новую, Саймон сказал: Нет, мы оба будем вести себя так, будто ничего не случилось. Да? Помнится, ты как-то говорила, что у меня одно выражение лица на все случаи жизни.

Я правда так сказала? Как бесчувственно. У тебя есть по

крайней мере два выражения. Ты смеешься или ты беспокоишься.

Он, улыбаясь, провел рукой по груди. Это не бесчувственно, сказал он. Ты просто пошутила.

Жена никогда не стала бы так с тобой разговаривать.

Почему – она, что ли, передо мной преклоняется?

Да, сказала Айлин. Ты для нее как отец.

Он не то застонал, не то рассмеялся. Мило, сказал он. Айлин усмехнулась. Я так и знала, что тебе понравится, сказала она. Так и знала. Саймон опустил руку на плоский живот и сказал: Все-то ты знаешь. Айлин скривилась. Но не про тебя – про тебя не знаю, сказала она. Его глаза были закрыты, – похоже, он устал. По-моему, самый реалистичный момент был, когда я вспомнил про нас с тобой в Париже, сказал он. Она глубоко вдохнула. Через секунду тихо произнесла: Ты так говоришь, просто чтобы порадовать меня. Ему хотелось улыбнуться. Это было бы справедливо, согласишься? – сказал он. Но нет, я по правде говорю. Мы можем встретиться в ближайшее время? Да, сказала Айлин. Я нормально буду себя вести, добавил он. Не переживай. Они нажали «отбой», она поставила телефон на подзарядку и выключила прикроватную лампу. Желтый искусственный свет городских огней назойливо проникал в спальню сквозь тонкие занавески. Все еще с открытыми глазами она минуты полторы ласкала себя, беззвучно кончила и повернулась на бок, засыпая.

Дорогая Элис. Ты написала, что едешь в Рим, – это по работе? Не хочу лезть не в свое дело, но, кажется, ты говорила, что на какое-то время берешь перерыв? Я, конечно, желаю тебе удачи в поездке, но это точно хорошая идея – так быстро вернуться к выступлениям на публике? Если тебе в удовольствие писать мне надрывные послания об издательском мире, где каждый, по твоим словам, либо жаждет твоей крови, либо хочет затрахать до смерти, непременно продолжай их писать. Без сомнения, ты по работе встречала ужасных людей, хотя также, я подозреваю, и множество скучных людей, обиденных с этической точки зрения. Заметь, я не отрицаю твою боль – я знаю, что ты реально страдаешь, и именно поэтому я так удивилась, что ты опять заставляешь себя проходить через всё это. Ты летишь из Дублина? Если да, мы, наверное, могли бы увидеться до вылета...

Даже не представляла, какое у меня херовое настроение, когда начинала писать это письмо, но сейчас я это понимаю. Я не пытаюсь убедить тебя, будто твоя невыносимая жизнь по факту привилегированная, хотя, какое определение ни возьми, она именно такова. Ладно, я зарабатываю двадцать тысяч в год и трачу две трети на аренду, чтобы жить в тесной квартирке с людьми, которые меня не выносят, а ты зарабатываешь около двухсот тысяч евро в год (?) и живешь

одна в огромном загородном доме, и все равно вряд ли твоя жизнь доставила бы мне больше удовольствия, чем тебе. Те, кто способен получать от нее удовольствие, наверное, ненормальны, как ты точно заметила. Но, так или иначе, мы все тут ненормальные, верно? Я сегодня слишком долго блуждала в интернете и теперь ужасно подавлена. Хуже всего, что на самом деле люди там, как мне кажется, в большинстве своем полны самых добрых побуждений и намерений, но наш политический лексикон с двадцатого века так сильно и быстро познобился, что попытки осмыслить на нем текущий исторический момент оборачиваются полным бредом. Каждый по понятным причинам связывает свою идентичность с определенной группой, но при этом чаще всего даже не хочет формулировать, кто образует эту группу, как она возникла и какие у нее цели. Очевидно только одно: для каждой группы жертв (родившиеся в бедных семьях, женщины, цветные) есть своя группа угнетателей (наследники состояний, мужчины, белые). Но в этих рамках отношения между жертвами и угнетателями не столько исторические, сколько теологические, в них жертвы трансцендентно добры, а угнетатели – персонально злы. Из-за этого вопрос о принадлежности к той или иной группе становится вопросом невероятной этической важности, и почти весь наш дискурс крутится вокруг сортировки людей по подходящим группам, то есть дать им соответствующие моральные оценки.

Если серьезные политические действия все еще возмож-

ны (а это, по-моему, открытый вопрос), вряд ли они затронут таких, как мы, – более того, я практически уверена, что мы окажемся за бортом. И, честно говоря, если нам придется умереть ради светлого будущего человечества, я приму это как агнец, потому что не заслужила этой жизни и даже не получаю от нее удовольствия. Но мне бы хотелось принести какую-то пользу проекту, каким бы он ни был, и, даже если польза выйдет мизерной, я не возражаю, потому что это все равно будет в моих собственных интересах – ведь мы жестоки и сами к себе, хотя, конечно, иначе. Никто не хочет жить так. Или, по крайней мере, я не хочу жить так. Я хочу жить по-другому или, если нужно, умереть ради того, чтобы однажды люди зажили по-другому. Но в интернете я не вижу разнообразия идей, ради которых стоило бы умереть. Единственная идея, похоже, такая: давайте наблюдать за бесконечными человеческими страданиями, что творятся у нас на глазах, и ждать, когда самые обездоленные и угнетенные предложат, как это остановить. Похоже, существует поразительное необъяснимое убеждение, что сами условия эксплуатации породят решение проблемы эксплуатации и что предполагать иное – снисходительность и демонстрация превосходства, вроде менсплейнинга⁹. Но что, если проблема не по-

---

⁹ Понятие «менсплейнинг» (от *англ.* man – мужчина и explain – объяснять) вошло в феминистский обиход после публикации эссе Ребекки Солнит «Мужчины учат меня жить» (*Men Explain Things to Me*, 2008), в котором она обратила внимание, что мужчины любят поучать женщин, независимо от того, насколько сами компетентны в вопросе.

родит решения? Что, если мы ждем невозможного и все эти люди страдают, не имея никаких рычагов прекратить собственные страдания? А мы, у кого эти рычаги есть, отказываемся действовать, потому что всякого, кто что-то делает, критикуют. Ладно, это все прекрасно, но сделала ли хоть что-то я? В свое оправдание скажу, что я очень устала и стоящих идей у меня нет. На самом деле вот что со мной не так: я злюсь на всех за то, что у них нет ответов, хотя у меня самой их тоже нет. Кто я вообще такая, чтобы требовать смирения и широты взглядов от других? Что я дала миру, чтобы столько требовать взамен? Я могла бы превратиться в кучку пыли, мир бы и не заметил, так и должно быть.

Как бы там ни было, у меня новая теория. Хочешь послушать? Пропусти этот абзац, если нет. Теория такая: люди потеряли инстинкт красоты в 1976-м, когда пластик заполнил мир. Если посмотришь на уличные фотографии до и после 1976-го, сама увидишь разницу. Я знаю, есть веские причины со скепсисом смотреть на ностальгию по эстетике, но факт остается фактом: до 1970-х люди носили практичную одежду из шерсти и хлопка, разливали напитки в стеклянные бутылки, заворачивали еду в бумагу и обставляли дома надежной деревянной мебелью. Теперь большинство объектов в нашей визуальной среде сделаны из пластика, самого уродливого вещества на Земле, материала, который невозможно переокрасить, но который сам неподражаемо уродливо окрашивает то, что с ним соприкасается. Единственное, в

чем я полностью поддержала бы правительство (а таких вещей не очень много), – это запрет на производство всех видов пластика, за исключением тех, что необходимы для спасения жизней. Как тебе такое?

Я не понимаю, почему ты так стесняешься этого своего Феликса. Кто он такой? Ты с ним спишь? Не обязательно рассказывать мне, если не хочешь. Саймон мне теперь ничего не рассказывает. Он, как выяснилось, уже месяца два встречается с девицей двадцати трех лет, а я ее еще даже ни разу не видела. Нечего и говорить, что стоит мне подумать о том, как Саймон – которому уже было двадцать, взрослый парень, когда мне исполнилось всего пятнадцать, – спит с женщиной на шесть лет младше меня, как тут же хочется сигануть в могилу. И всякий раз не с каким-нибудь уродливым синим чулком с мышинными волосами и оригинальным мнением о Пьере Бурдьё, а с инстаграмной моделькой, у которой тысяч семнадцать подписчиков, и быوتي-бренды бесплатно присылают ей косметику. Элис, я ненавижу притворяться, будто самомнение привлекательных юных женщин не вгоняет в тоску и не обескураживает. Мое гораздо хуже. Не хочу драматизировать, но, если эта девушка залетит от Саймона, я выйду в окно. Представить только – мне придется любезничать с какой-то случайной телкой до конца жизни просто потому, что она мать его ребенка. Я тебе говорила, что мы с ним ходили на свидание в феврале? Не то чтобы он на самом деле рвался куда-то со мной сходить, – думаю, он просто пы-

тался повысить мне самооценку. Правда, у нас тут был очень забавный телефонный разговор прошлой ночью... Так, возвращаясь к теме: сколько лет Феликсу? Он старый мистик, который пишет тебе стихи про космос? Или провинциальный чемпион по плаванию девятнадцати лет с ослепительной улыбкой?

Я могу ухитриться приехать к тебе на неделе после свадьбы – то есть заявиться в первый понедельник июня, если это удобно. Что думаешь? Если бы я умела водить, было бы проще, но пока что это выглядит как комбинация поезда и такси. Ты не представляешь, как я устала кружить по Дублину без тебя. Буквально жажду снова увидеться. А.

В среду Элис и Феликса встретил во Фьюмичино мужчина с пластиковым файлом, в который была вставлена бумажка с распечатанной надписью «Мисс Келлхер». Снаружи почти спустилась ночь, но воздух был теплый, сухой, пропитанный искусственным светом. В авто, черном «мерседесе», Феликс сел спереди, Элис сзади. На автостраде по сторонам от них грузовики, сигнали, обгоняли друг друга на пугающей скорости. Они приехали к многоквартирному дому, и Феликс поднял багаж по лестнице: чемодан Элис на колесиках и свою черную спортивную сумку. Гостиная оказалась просторной и желтой, с диваном и телевизором. В арку видна была современная опрятная кухня. Дверь в одну спальню располагалась в глубине гостиной, в другую – справа. Они вдвоем осмотрели обе, и он спросил, какая ей больше понравилась.

Выбирай ты, сказала она.

Я думаю, выбирать должна девушка.

Не согласна.

Он нахмурился. Хорошо, выбирает тот, кто платит.

С этим я еще больше не согласна.

Он повесил сумку на плечо и взялся за ручку двери ближайшей спальни. Вижу, нам предстоит частенько не соглашаться на этих каникулах, сказал он. Я займу эту, о'кей?

Спасибо, сказала она. Может, сходим поужинать перед

сном? Я посмотрю в интернете ресторан, если хочешь.

Он сказал, что идея отличная. Войдя в свою комнату, он закрыл дверь, нашел выключатель и положил сумку на комод. Окно за кроватью смотрело на улицу, третий этаж. Он расстегнул сумку и порылся внутри, перекладывая вещи: немного одежды, бритва и одноразовые лезвия, блистер таблеток и полупустая упаковка презервативов. Он нащупал зарядку телефона, достал и начал разматывать провод. Элис в своей комнате тоже разбирала чемодан: доставала туалетные принадлежности из прозрачного пакета, вешала коричневое платье в шкаф. Потом села на кровать, открыла карту на телефоне и привычно и легко заскользила пальцами по экрану.

Сорок минут спустя они ужинали в ресторане. В центре стола горела свеча, стояла плетеная корзинка с хлебом, низенькая бутылка оливкового масла и бутылка повыше, рифленая – с темным уксусом. Феликс ел нарезанный стейк очень слабой прожарки, с рукколой и пармезаном, – срез стейка был влажно-розовым, словно рана. Элис ела пасту с сыром и перцем. У ее локтя стоял полупустой графин с красным вином. В ресторане было немногочисленно, но время от времени от других столиков доносились разговоры и смех. Элис рассказывала Феликсу про свою лучшую подругу, которую звали Айлин.

Она очень красивая, сказала Элис. Хочешь посмотреть фотографию?

Давай.

Элис вытащила телефон и принялась скроллить приложение соцсети. Мы познакомились в колледже, сказала она. Айлин там была прямо знаменитость, все в нее были влюблены. Постоянно выигрывала призы, ее фотографию то и дело публиковали в университетской газете и все такое. Вот.

Элис показала ему экран телефона с фотографией стройной светлокожей женщины с темными волосами, она стояла на балконе какого-то европейского города, прислонившись к перилам, а рядом – высокий светловолосый мужчина, смотревший прямо в камеру. Феликс взял телефон у Элис и слегка развернул экран, словно оценивая.

Да, сказал он. И правда симпатичная.

Я повсюду за ней ходила, сказала Элис. Никто понять не мог, почему она вдруг захотела дружить со мной, – она была невероятно популярна, а меня все типа ненавидели. Но я думаю, она находила извращенное удовольствие в дружбе с той, кто никому не нравится.

Почему это ты никому не нравилась?

Элис взмахнула рукой. Ну, сказала она. Я постоянно на что-нибудь жаловалась. Обвиняла всех и каждого, что они ни в чем не разбираются.

Да уж, людей это здорово раздражает, сказал Феликс. И ткнул пальцем в лицо мужчины на фотографии: А кто это с ней?

Это наш друг Саймон, сказала Элис.

Тоже ничего так выглядит.

Она улыбнулась. Нет, он просто красавчик, сказала она. Фотография не может передать. Он из тех, кто настолько притягателен, что это сказывается на его самоощущении.

Возвращая телефон, Феликс сказал: Приятно, наверное, дружить с симпатиями.

В смысле что на них приятно смотреть? – сказала Элис. Но зато чувствуешь себя рядом с ними как собака.

Феликс улыбнулся. Нет, какая же ты собака, сказал он. У тебя есть свои фишки.

Например, мой обворожительный внутренний мир.

Помолчав, он спросил: Ты считаешь, он обворожительный?

Она от души расхохоталась. Нет, сказала она. И как только ты терпишь, что я постоянно несу чушь.

Ну, я не так уж долго терплю, сказал он. Не знаю, может, ты перестанешь, когда мы узнаем друг друга получше. Или я перестану терпеть.

Или тебе это начнет нравиться.

Феликс вернулся к еде. Очень может быть, сказал он. Всякое случается. Так этот Саймон, он в твоём вкусе?

Нет-нет, сказала она. Нисколько.

Феликс взглянул на нее с интересом и спросил: Не любишь красавчиков?

Я очень люблю его как человека, искренне сказала она. И уважаю. Он работает советником в крошечной парламентской группе левого толка, хотя мог бы заработать кучу денег,

занимаясь чем-то другим. И еще он верующий, представляешь.

Феликс склонил голову набок, словно ожидая разъяснения шутки. Типа верит в Иисуса? – сказал он.

Да.

Срань господня, серьезно? У него крыша поехала или что?

Нет, он вполне нормальный, сказала Элис. Не пытается никого обратить, ничего не навязывает. Он бы тебе наверняка понравился.

Феликс затряс головой. Положил вилку и окинул взглядом зал ресторана, снова взял вилку, но еды не коснулся. И что, он против геев? – сказал он.

Нет-нет. Ну, ты сам спроси, если вы встретитесь. Но, по моему, для него Иисус скорее друг бедноты и защитник изгоев.

Прости, но по описанию он больной. В наши дни человек его возраста верит во все это? Что какой-то парень тысячи лет назад восстал из могилы и в этом и есть суть всех вещей?

Все мы верим во что-то странное, нет? – сказала она.

Я нет. Я верю в то, что вижу своими глазами. Я не верю, что великий Иисус на небесах взирает на нас сверху и решает, хороши мы или плохи.

Несколько секунд она молча рассматривала его. Наконец ответила: Ты, может, и не веришь. Но мало кто из людей смог бы быть счастливым, воспринимая жизнь так же, как ты, – что

все напрасно и нет никакого смысла. Большинство предпочитает верить, что какой-то есть. Так что с этой точки зрения все мы живем в плену иллюзий. Просто у Саймона они упорядоченнее.

Феликс начал резать кусок стейка пополам. Он что, не мог уверовать во что-нибудь поприятнее, если уж он хочет счастья? – спросил он. Вместо того, чтобы думать, будто всё грех и можно угодить в ад.

Сомневаюсь, что его волнует ад, он просто хочет поступать правильно, пока жив. Он убежден, что есть правильные поступки и есть неправильные. Подозреваю, тебе трудно поверить в такое, если ты думаешь, что в конечном счете смысла ни в чем нет.

Нет, я, разумеется, верю в добро и зло.

Она приподняла бровь. О, так ты тоже в плену иллюзий, сказала она. Если в конце все мы просто умрем, кто решает, что добро, а что зло?

Он ответил, что подумает об этом. Они вернулись к еде, но вскоре он снова прекратил жевать и затряс головой.

Не то чтобы я зациклен на геях, сказал он. Но есть у него хоть один друг-гей, у этого парня? У Саймона.

Ну он дружит со мной. А я не то чтобы вполне гетеро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.